

Молодёжная волна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Молодёжного отделения
Самарской областной писательской организации**

№ 17

**г. Самара
2016**

*Проект «Организация и проведение
IV Всероссийского молодёжного литературного
фестиваля имени Михаила Анищенко» реализован
при поддержке Губернатора Самарской области*

Содержание

Денис Домарёв. Колонка редактора о колонке редактора...4

ПОЭЗИЯ

Руководитель семинара – Виктор Кирюшин

<i>Екатерина Агеева. Стихи.....</i>	<i>6</i>
<i>Мирослава Бессонова. Стихи</i>	<i>10</i>
<i>Рудольф Голубев. Стихи</i>	<i>14</i>
<i>Евгений Дьяконов. Стихи</i>	<i>18</i>
<i>Жанна Кобзева. Стихи.....</i>	<i>24</i>
<i>Алексей Ларин. Стихи</i>	<i>28</i>
<i>Алина Масалимова. Стихи.....</i>	<i>33</i>
<i>Тамара Нуждина. Стихи.....</i>	<i>37</i>
<i>Андрей Орехов. Стихи.....</i>	<i>40</i>
<i>Александра Синёва. Стихи.....</i>	<i>44</i>
<i>Антон Турков. Стихи.....</i>	<i>49</i>

Руководитель семинара – Николай Переяслов

<i>Екатерина Афанасьева. Стихи.....</i>	<i>54</i>
<i>Любовь Войнакова. Стихи.....</i>	<i>58</i>
<i>Татьяна Губанова. Стихи</i>	<i>62</i>
<i>Светлана Иванова. Стихи</i>	<i>66</i>
<i>Константин Комаров. Стихи</i>	<i>70</i>
<i>Михаил Макрушин. Стихи.....</i>	<i>75</i>
<i>Виктор Мишковский. Стихи.....</i>	<i>80</i>
<i>Ирина Попович. Стихи</i>	<i>84</i>
<i>Александр Фральный. Стихи</i>	<i>88</i>

Руководитель семинара – Евгений Чепурных

Маргарита Антонова. <i>Стихи</i>	92
Елена Борзых. <i>Стихи</i>	95
Дмитрий Вилков. <i>Стихи</i>	99
Александра Попова. <i>Стихи</i>	103
Александр Цыганков. <i>Стихи</i>	107
Олеся Чеганова. <i>Стихи</i>	110
Иван Ширококов. <i>Стихи</i>	115

ПРОЗА

Руководитель семинара – Александр Громов

Алина Гребешкова. <i>Бабайка. Рассказ</i>	118
Елена Леонтьева. <i>Царь Джомолунгмы. Рассказ</i>	122
Анна Масленникова. <i>Катя. Повесть</i>	131
Олеся Сидорова. <i>Дело Мари Буво. Рассказ</i>	156
Евгений Биктимиркин. <i>Паритет. Рассказ</i>	168

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Татьяна Шишкина. <i>Удивительный фестиваль имени Михаила Анищенко</i>	178
Наталья Филимонова. <i>«Фестиваль открывает нам нас же самих...»</i>	181
Софья Сыромятникова. <i>«Дорожите теми днями, которые у вас есть...»</i>	183
Дмитрий Ревякин. <i>Фестивальное золото</i>	185
Павел Загаринский. <i>«Я буду ждать...»</i>	187
Александр Барвинок. <i>Рождение собственного голоса</i> .	188
Эдуард Устинов. <i>Будет новый фестиваль</i>	190

Колонка редактора о колонке редактора

Слово
редактора

Колонка редактора — это трибуна, с которой редактор вещает об успехах и достижениях журнала, жалуется на недостаток финансирования, клянётся, несмотря ни на что, продолжать начатое дело. Первая страница журнала — это возможность потешить своё эго наличием фотографии, снисходительно похвалить успехи дружественных авторов, намекнуть недоброжелателям на тщетность их по-

пыток сделать свой велосипед или остановить чужой, непринуждённо пожонглировать цифрами и названиями: всероссийский поэтический фестиваль — 4 года проведения, городской поэтический чемпионат — 9 лет существования, журнал «Молодёжная волна» — 17 вышедших номеров (не забыть убрать конкретные цифры, дабы не расшатывать и без того расшатанную, как волгоградский мост, психику критиков).

Колонка редактора — это и публичный дневник этого самого редактора (всякий ведь в тайне надеется, что его дневники посмертно растиражируют, а здесь возможность появляется ещё при жизни), и визитная карточка издания (главное, не ляпнуть какую-нибудь природоведческую глупость, например, про февральскую стужу, в которой согреть может только чтение литературного журнала), и прозаический зачин ко всем произведениям, которые читатель станет... читать — в том случае, если слово редактора ему покажется нетривиальным; и листать — в противном случае. В последнем варианте читатель сблизится с определённой когортой авторов, которые всегда только листают журнал. Делают они это, правда, с высокой эстетическо-практической целью — убедиться в правильности написания своей фамилии и презентабельности опубликованной фотографии. Но мудрый

редактор из всех сил будет стараться не опускать своих читателей до уровня таких авторов.

В общем, редактор, как вы убедились, может использовать колонку как во благо самому себе, авторам, читателям, изданию, проектам и событиям, которым посвящён выпуск, так и во вред вышеозначенным людям и явлениям.

Я же не стану выбирать ни одну из обозначенных мною тактик. Ругать или хвалить. Угрожать или клясться. Иронизировать или самоиронизировать. Не буду. Потому что всё это я уже делал. Свой эксперимент я провёл. Ваше внимание привлёк. Теперь очередь поэтов и прозаиков.

Впрочем к экспериментам им не привыкать. Литфест — тоже своего рода большой культурный эксперимент. Который уже четыре года показывает свою успешность и жизнеспособность. Непросто собрать молодых поэтов со всей страны на берегах Волги, поделиться с ними многогранным, а оттого противоречивым творчеством Михаила Анищенко, насытить трёхдневную фестивальную программу интересными и нужными семинарами, мастер-классами, дискуссиями, спасти на пару с красотой молодёжный литературный мир... Последняя задача казалось невыполнимой, а потому была достигнута. По крайней мере, в пределах Самарской губернии.

И каждый год фестиваль Анищенко собирает новых и старых друзей, а между фестивалями происходит бесконечное общение на других культурных площадках по всей России — реально, в социальных сетях — виртуально, на страницах журналов — литературно.

И всё это очень похоже на один большой эксперимент, в котором каждый из нас хочет изменить себя, других и весь мир через слово — находя это слово, произнося, передавая, печатая, читая. И даже когда не останется никого из нас — находящихся, произносящих, печатающих и читающих — останется то, что было в начале и всегда, — Слово.

Приятных вам читательских экспериментов и творчества!

**Главный редактор журнала «Молодёжная волна»
Денис Домарёв**

Семинар поэзии

*Руководитель —
Виктор Фёдорович Кирюшин (г. Москва);
ассистенты:
Александр Алексеевич Барвинок (г. Самара),
Марианна Альбертовна Плотникова (г. Уфа)*

Екатерина Агеева

г. Самара

* * *

Четыре года подряд Катя стучала в дверь.
Звонок не работал. Таблички «Открыто» нет.
Катю гладили по головке и говорили: «Верь».
Она верила и отрицала, что за порогом — бред.

Катя меняла туфли, чтобы стучать ногой.
Пара костяшек в кровь, а шпилька — последний друг.
Если хотела уйти, слышала голос: «Стой.
Падать бывает больно. Ты не руби тот сук».

Катенька соглашалась, пряча топор войны.
Бежала за обувью, пробовала кричать.

Кате не открывали, томно шепча: «Пойми,
Избранные не стучатся — срывают печать».

Несколько лет подряд, баран у новых ворот,
Прищурившись, Катя рассматривала людей,
Они забирались в окна, прыгали в дымоход.
Без каких-либо просьб и длинных очередей.

Катя не понимала: принцип, случайность, бласт?
Что здесь лежит в основе и объясняет суть?
Обувь стиралась с мозолями. Катя учила мат.
Думая, что агрессия в слове — отличный путь.

Кате не открывали. Не гладили. Голос стих.
Занозы с двери переехали на ладонь.
После Катиной смерти за дверь пустили иных.
И за ними уже увязалась Катина боль.

* * *

Червоточинкой в яблоке с древа познания зрея,
Согреваясь огнём Прометея из бликов костра,
Проживает во мне чья-то боль, как в портрете Грея,
И сулит бесконечную молодость силой родства.

Далеко до седых разговоров о блеклой жизни.
Правда можно и с болью чужой завести диалог:
У тебя, словно грозди, свисают века на кисти,
А с моими кистями художник не вечен и плох.

В сотворении мира без боли едва ли есть смысл,
Для любого потока света тёмный найдётся план.
Межреберье Адама гораздо яснее мысли,
Если вдруг на шестые сутки нотный сужают стан.

Вот поэтому есть и вопросов огромный список:
Доверяться ли боли к исходу угасшего дня?
Божий перст нам на камне точную заповедь высек.
Только там ни слова про боль, что тревожит меня.

* * *

В большом городе
птицы обычно наглеют
уже после первого вылета из гнезда.

В маленьком городе
каждой вороне известно,
как бывает коварен лесной молодняк.

Подлетишь к поляне,
выцветшей на окраине,
и обнаруживаешь неприятный факт:

ветки с макушкой
прогибаются резко от
неспособности выдержать птичий вес.

В маленьком городе
люди бывают что птицы,
ибо страх оказаться опознанным,

узнанным,
заклеймённым в толпе
и распятым у всех на виду

равносилен опасности
рухнуть с деревьев вниз
и клювом
глотать
отсыревшую землю.

* * *

Приворожи меня.
В центре огромного города ночью шамань.
Не береги огня.
Тьма — это просто условность и тонкая грань.

Запеленай рассвет.
С первой звездой оставайся для снов ловцом.

Не оставляя след,
Будь для меня началом судьбы и концом.

Перепиши обряд.
В тихом лесу отыщи стебель редкой травы.
Не поверни назад,
Даже когда под луной отцветёт весь ковыль.

Запоминай пути.
Каждому дереву имя и образ присвой.
Вечно меня веди
Самой петливой, но самой счастливой тропой.

* * *

За окном буйнит снег,
Ломится в домишко.
Я неглупый человек:
У меня умишко.

Не впущу большой сугроб —
Починю щеколду.
И плевать, что Новый год
Грозно щерит морду.

Я на свете не боюсь
Долгой снежной бури.
Знаю зиму наизусть:
Не прорваться дуре.

Зря стучишь в моё окно,
Снег, прошедший мимо.
Научился я давно
Вышибать клин клином.

Угрожать я не хочу
И писать об этом.
Двери все заколочу
Да уеду в лето.

Мирослава Бессонова

г. Уфа

Лестница спокойствия

Ты знаешь: мне не дорог город каменный.
Я в нём слабел стремительно и чах.
Отъезд сулил спасение. Всё правильно:
и первый рейс, и сумки на плечах.

Теперь стою, не чувствуя усталости.
Ничто не ранит, не болит нигде.
Пусть вся та горечь, что лишает сладости,
уходит прочь по голубой воде.

Мелькает жизнь от самого зачатия
и всякий день, что робко гасит ночь.
Крепки бессмертной памяти объятия —
ни ускользнуть нельзя, ни превозмочь.

Я буду верить (человеку свойственно),
что ты, оставив город в стороне,
по одинокой лестнице спокойствия
когда-нибудь поднимешься ко мне.

Падение

Тучи стали густы, как чернила.
Этим тучам и небо мало.
Вспоминай всё, что нас породнило,
позабудь всё, что нас развело.
В знак прощенья-прощанья возьми же
охладившую щёку слезу.
Ведь я падаю, падаю ниже,
будто ждёт утешенье внизу.
Будто нету там музык в миноре,
есть возможность идти налегке.
А в морях алебастровых зори
розовеют, как кровь в молоке.

В сердце пламя, да руки озябли.
В небе чёрном лишь бог белолиц.
Быстро падают крупные капли,
словно стаи подстреленных птиц,
но не слышно надрывного стога.
Поклянись (здесь не к месту враньё)
через мутные окна балкона
не смотреть на паденье моё.

Исчезнуть в темноте

Илот зимы на окнах вывел шрифт.
Наверное, так трудно — жить, скорбя
о воле. Вновь скрежещет в доме лифт,
как будто возит смерть внутри себя.

Со временем я полностью привык
хранить в душевном сейфе всё подряд.
Какой несуществующий язык
объединит слова, что в нём болят?

Спускает полночь с неба невода
на город, что к покою не готов.

И людям снится чёрная вода,
чешуи рыб и крылья мотыльков,

им снится свет серебряный, как ртуть,
как он скользит по чёрной той воде...
Ладони к свету страшно протянуть,
куда страшней — исчезнуть в темноте.

Только мы

Только мы. Нет ни беса, ни бога.
Нимба нет, нет железных оков.
По пустыне небес одиноко
держит путь караван облаков.
Всё стремится зачем-то, куда-то,
процветанье неся или вред.
Только здесь. Нет Эдема, нет Ада.
Наказаний с прощеньями нет.

Как у спутников (Тефия, Фобос)
путь зациклен, но долог и круг.
Проезжающий мимо автобус
не изменит исконный маршрут.
Постоим под затихшую речь, но
под воды полусонной рассказ,
сокрушаясь над тем, что навечно
в этом городе бросило нас.

Разве сможет пробиться наружу
свет, что редкостен в этом краю?
Чтоб утешить спокойствием душу,
беспокойную душу мою.

Побратим

Долой того, кто стал виной
всему, что вспоминаешь все.
Мгновенья, множащие боль,
переберём, перетасуем.

Деревья руки-ветви сквозь
кромешный мрак протянут к солнцу.
Всё то, что ценным лишь звалось,
уже лежит на дне колодца.
Убавим звук. Замедлим шаг.
Не следуй ничьему примеру.
Ты побратим, а не чужак.
Ты тоже одинок не в меру.
Маши проезжим поездам,
что стали частью чьих-то судеб.

Нас жизнь расставит по местам,
а смерть, как водится, рассудит.

Рудольф Голубев

г. Самара

* * *

Моя печаль несуетлива,
Судьба моя чуть голодна.
На крыше ропщет, мимо слива
Сползает белая волна.

Лишь шум падения только рушит
Оцепенелый мой уют.
Напротив окна в доме тушат,
Но тут же новые зажгут.

Невидим я на карте мира —
Таюсь за плотной синевой.
Средь ночи звякнувшая лира
Была оплошной и шальной,

Лежит в углу, не строят струны;
Не держит глаз ночной простор,
Да горечь, что пропали втуне
И ночь, и вдохновенье,
похитил разум-вор.

* * *

От безделья водил пальцем по пыли стола,
Оставляя беспыльные длинные полосы.
Ей слова мои были ничуть не нужны, да
Она и сама, как арфой, владела голосом.

Перебирая струны, лила мне в уши
То, что скопилось за долгие месяцы.
Непрерывно смотреть, иногда даже слушать
Проливаемое на словесную мельницу.

Изыщество и бессилие вербального шума
В сложной связи с драматичностью всей ситуации,
Порождали во мне не сказать чтобы муки,
Но вполне весомые и болезненные фрустрации.

Оценивая не смысл, а конструкции слов,
Чтоб уберечься от запаса слов собеседницы,
Я держался за мостик взглядов, построенный вновь,
Как за последнюю к пониманию лестницу.

Не вложу ей в голову, что сердце щемит,
Не узнаю пропорционального тому ответа.
Ведь одно слово ничего или всё изменит,
Остальные — просто диалога примета.

Человечество зафиксировало, что многому научилось,
Но опасный изъян в главном изобретении:
Чего бы одна особь другой сообщить не стремилась —
Между нами пропасть, а значит — падение.

* * *

Вот краткий срок, печальной датой
Отметившись в календаре,
Окончен там, где всех горбатых
Положено исправить на земле;
И положен конец на ней же.

Вот плоть — земле, а хрупкость в память,
 В углы по поводу смертей,
 Пусть там растёт спасительная камедь,
 Как сок солёный жён и матерей:
 Друзья не плачут — только позже.

Пусть каждый — о своём, а все — о многом,
 И только он уж ни о чём...
 Да, прочь высокий слог, он словно слоган:
 Не ты, судьба, случайность стала палачом,
 Что косит наугад приговорённых.

Не замер мир: потерь так много,
 Что траур миру нескончаемо постыл.
 А помнить всех — прерогатива только Бога,
 Потушит время даже верной боли пыл,
 Но скорбь перегниёт под пеплом.

Тем даст она другие семена,
 И память сохранит лишь лучший образ.
 Пустые все слова и, может, даже имена,
 Забудется ненужный речи возглас,
 Останется лишь этот образ лёгкий.

* * *

Хотела бы ты, чтоб я болел его чувством,
 Ноги преламывал пред тобою,
 Снова с ума и таким же безвкусным
 Неофитом наивным, влекомым судьбою.

Тревожил тебя до рассветных пределов,
 Ведь явит миру лишь свет униженье.
 Всякий долг позабыв, проживал бы без дела,
 Кроме страсти заветной смешного служенья.

Вдохновенья искал бы в чувстве напрасном,
 Мук несуразных стон скороспелый.

Из кожи старался, но законом негласным —
В смешные поступки, казалось бы, смелые.

Бессмысленно всё под взглядом презрительным...
Да только я отвечаю твоему — безразличным.
Полыхать и мучиться так неосмотрительно
Больше единого раза, поверь, неприлично.

* * *

Не помню ушедшего века,
В грядущий несмело закрался.
Словно встревожено времени веко,
Пылинкой в слезе я сорвался.

И отправился в путь непроложенный,
Пилигрим на обломках империи,
По лицу земли неухоженному,
По лицу земли неизмеренному.

Но пылинка я, право, ничтожная,
Чтоб оказаться причиною слёзною,
И волною несом непреложною,
С нелепостью скрупулёзною.

Евгений Дьяконов

г. Санкт-Петербург

Рыбный день

В тот год зима превысила лимит
 Морозных дней, и сразу стало ясно,
 Что, если и спасёт, не сохранит
 Безмерное, безудержное пьянство

Моих друзей, меня, тебя и всех.
 Гигантское малиновое солнце,
 Рассвет похмельный и вчерашний грех
 В неравной схватке вздумали бороться

Со мной с утра. Казалось, всё и вся
 Готовит нам внезапную подлянку.
 Спустился в шалман, я взял сто пятьдесят —
 Привычную, суровую приманку,

Глотнул и понял: двигаться мне лень.
 В тепле кабацком сняв кроссовки Реебок,
 Я вспомнил вдруг аквариумных рыбок,
 Которые погибли в рыбный день:

В четверг, примерно десять лет назад,
В морозный день, приняв с утра полтинник,
В аквариум я сунул кипяtilьник
И, наплескав себе в стакан нарзан,

Подумал: «Подогреется вода,
И станет рыбкам жить куда теплее».
Тогда ещё не думал о тебе я
И, не желая никому вреда,

Отправился к Морфею, в дивный край.
Со всех щелей сочилась холодрыга,
Храпели все, никто не слышал крика,
Меня ты упрекай не упрекай...

Я крепко спал под музыку Битлов,
И больше не шипел нарзан в стакане,
А рыбки всё стучались плавниками,
В горячее и прочное стекло.

Когда-нибудь в полнейшей темноте
Узнаю я, что мы не победили
Самих себя, и чей-то кипяtilьник
Приблизит наш последний, рыбный день.
Такие разные — мечты.

* * *

Искрилось утро каплями росы,
Зевая, два счастливых сорванца,
Жирилки из варёной колбасы
Под самовар припрятав от отца,
Подумывали: «Ловко провели,
Он даже не заметил: ну и ну» —
Ведь о войне и думать не могли,
Хотя играли каждый день в войну.
Про голод ничего не знали мы,
Был просто не по вкусу белый жир,

Но сорок первый год ворвался в быт,
 И окружили город блиндажи,
 Могильные окопы...
 ...злая смерть,
 Расправив крылья, мечется вокруг
 Людей, домов...
 ...попробуй-ка ответь:
 А твой ли — этот н-о-в-ы-й Петербург?
 Твоим ли остаётся Ленинград?
 Твои ли щёки впали на лице
 В страшнойшей из известнейших блокад?
 Где были все — в трагическом кольце?
 А в нём своей дрожащею рукой
 Под самовар без всяческой надежды
 Я... за-би-рал-ся...
 ...мир теперь — другой,
 И всё — ДРУГОЕ...
 ...Бог-то с ней, с одеждой,
 Другие — Д-У-Ш-И...
 ...Та же всё — Нева,
 Адмиралтейство, крепость, Эрмитаж,
 Но приговором кажутся слова:
 «Санкт-Петербург, блокадники, не ваш!»
 У города-героя где лицо?
 В высотках, заслонивших прелесть неба,
 Иль в старцах, что в ушедших девятьсот
 Дней и ночей опилочного хлеба
 Сосали корки?
 Где ты, Ленинград?
 Про героизм и веру — ни гу-гу,
 А справился бы с тысячью блокад,
 Когда б дельцам не сдался, как врагу.
 ...Морщинами изъедена рука,
 Под самовар которую пихал...
 ...Сегодня отпихнули старика
 От жизни,
 а возможно, от греха.

В поисках динозавра

Без раздумий отложив на завтра
Пресную рутину бытия,
Отыскать пытаюсь динозавра
В мире, что когда-то потерял.

Не историк и не археолог,
Дилетант, любитель-оптимист,
До конца я не пойму, как долго
Будет путь мой, долг и тернист.

По колено или же по пояс,
Иногда по шею, нервный, злой,
Ежедневно продолжаю поиск
Бескультурно в свой культурный слой

Зарываюсь с головой; на завтрак,
На обед, на ужин, так и сяк
Отыскать пытаюсь динозавра.
Попрошайка, пилигрим, босяк,

Я брожу в похмелье и в потёмках,
И, как будто каменный топор,
Я останусь где-нибудь в потомках.
Я, не следопыт и не сапёр,

Под ногами ощущаю мины:
Злость, любовь, рождение и смерть,
Похороны, свадьбы, именины —
Это всё и есть земная твердь.

Где-то в ней меня дождётся ящер,
Где-нибудь в ущелье у реки,
И тогда — сыграю с жизнью в ящик,
И оставлю главные стихи...

* * *

По Невскому бродят карманники,
 Чертяги петляют в толпе,
 А я беззаботно, как маленький,
 По собственной узкой тропе,

Иду в направленье Восстания,
 Хотя я совсем не бунтарь.
 Изящные, стройные здания,
 Аптека, Фонтанка, фонарь,

Фонтаны Петровского детища
 В знакомом всем Летнем саду,
 Скажите, скажите мне: где ещё
 Я так навариться смогу?

Обшарив карманы и сумочки
 Туристов, беспечных зевак,
 Нырну со знакомой мне улочки
 Во двор, в переулок, в кабак,

Залягу на тихое днище я
 И богу всех прежних богов
 Взмолюсь, чтобы дряхлая нищая
 Со мной разделила улов.

Я супа налью ей горячего
 И тысячу суну в карман.
 «Силёнок немало потрачено.
 Ну что ты не кушаешь, мам?»

* * *

Как будто чёрной ручкой гелевой,
 Конкретно поперёк двора
 Нарисовало ветром дерево,
 И в нём мгновенно детвора

Нашла альтернативу лазилкам —
Межгалактический ковчег.
Своим стволом на крышу уазика
Оно упало, человек

С глазами, впрочем, безобидными
Звонил кому-то битый час,
А после люди с бензопилами
С ковчега прогоняли нас,

И пахло деревом растерзанным,
Гудел балтийский ураган,
А город мой скрипел протезами,
И солнце, словно курага,

Висело в небе неприкаянно,
Сжигая Божий керосин,
И с книжкой Даниила Гранина
Домой бежал соседский сын,

Его заучкой называли мы.
Ещё ревел балтийский шторм,
Прощаясь с деревом заваленным,
Пустел волшебный космодром.

Молчали умницы и умники.
Теченьем Петербургских рек
Спокойно уносило в сумерки
Титаник наш и наш ковчег.

Жанна Кобзева

г. Самара

* * *

Я съем твоих крокодилов, бегемотов и людей...
Ты всегда, как Алиса, бежишь и всегда вперед.
Я хотел быть и буду как влажный речной песок,
Не со зла усложняя твой вечный бесстрашный бег.
И опора, и враг, спутник всех быстроводных рек.

Иногда для любви не хватает всех в мире слов.
Так песчинками пусть обнимают они носок
Твоей крохотной туфельки, вмятой сквозь мягкий ил.
Удержать не хватает, не хватит сил.

От земли до земли не увидеть краёв твоих:
Обнимает тебя и ветер, и небосвод.
Ты бежишь, всё сильнее ускоряя бег.
Берега уступают под силой всемогущих вод.

А когда остывает небесный жар
И граница снимает с земли запрет —
Ты сливаешься с небом, и в этот миг
Я никак не могу потягаться с ним.

Вулкан

Обними, пусть внутри застучит быстрее
Сердце, вновь разгоняя по венам лаву.
Пусть от каждого вздоха в холодный день
Вылетает жидкое пламя и крепче стану,

Как безлюдный ещё пока
Остров с гладкими берегами.
От дыхания земли пламя взмоет в небеса,
Чтоб застыть за мгновение под ногами.

Буду островом, буду пламенем,
Пусть сам воздух горит вокруг.
И на мне очень скоро поселится
Много новых владык и слуг.

Где-то в небе под самым куполом
Птиц летает, что мне не счесть.
Обними, пусть средь вод появится
Новый остров, раздвинув твердь...

Маленький День

Маленький День скитался ночной тропой,
Шёл аккуратно, страшась, сторонясь тени.
Только вот тени стали почти стеной,
Дальней деревни мерцали меж древ огни.

Маленький День шёл и шуршал травой,
Шёл, привлекая шорохом леса тварь.
Только, казалось, звали его за собой,
Как завлекали тени детишек встарь.

Маленький День фыркал и всё шипел,
Злили его стены со всех сторон.
Только вот ни на крошечку не сильней
Свет, еле видимый, словно стон.

Маленький День сел у подножья дров,
 Кучкой вокруг собрал он сухой травы.
 И из упрямства с силой он загадал,
 Чтобы поближе стали к нему они.

Вмиг озарило пламенем тёмный лес,
 Тени метались в танце, кружа листву,
 И на плечах почувствовал тяж небес,
 Что поднимает, тянет, да в синеву.

День рассмеялся, слёзы пролились в дождь,
 Еле заметной зеленью в вышине
 Небо окрасилось, близя немой рассвет.
 День рассмеялся: тьма оставалась тьме.

* * *

Моя дорогая хочет пойти на смерть.
 И хочет пред этим немного понюхать порох.
 На что ей, скажите, чужую на плечи плеть
 Судьбы принимать и землю черпать за ворот.

Моя дорогая не думает и горит,
 Хохочет и мнит стать бойцом и воином.
 За что же бороться, правда, не говорит,
 Но смерть должна быть не менее чем достойной.

Моя дорогая пытается быть сильней.
 Смелее, чем многие, быть ей уже не ново.
 Но жёлтое небо и крапинки от смертей
 На плечи принять желает за честное, может, слово.

Я чту очень многое, верю, но не в людей.
 Я в родину верю, не в флаги, а в стены сосен,
 Которые были, которые будут и всех живеи...
 Моя дорогая, как много ты встретишь вёсен?

* * *

Холодно. Снежно. Бабушка всё про смерть.
Кофе и пледы. Девочки про любовь.
Хочется ластиком взять и вокруг стереть
Белый от нечисти тлена защитный круг.

Холодно. Снежно. Хочется помечтать.
Чтобы не нужно было идти в туман.
Чтобы забиться в угол и почитать.
Больше не слышать горе-стенаний шум.

Холодно. Снежно. Девочки всё про смерть.
Кофе и пледы. Бабушка про любовь.
Хочешь не хочешь, но дальше давай терпеть
Замкнутый зимний беспечный круг.

Алексей Ларин

г. Самара

* * *

Мы падаем в травы меж явью и сном
И меж тишиною со звуком.
Мы падаем в травы без страха о том,
Узнаем ли снова друг друга.

Ничто не останется, ведь пустота —
Причина вещей и их формы.
И руки расправив в подобье креста,
Мы падаем в травы покорно.

Мы падаем в травы ни вниз и ни вверх,
А так, что совсем без пространства.
Как по асимптоте к оси идёт смерть,
Так наше падение — суть постоянства.

За жизнь невозможно секрет твоих глаз
Раскрыть — тайна неба ночного.
В других именах я приду ещё раз,
Чтоб в травы упасть с тобой снова.

* * *

Небо стало с землёй одним целым,
Дождём проливным слившись вместе.
О людях нигде нет свидетельств.

Блуждают в листве, в камышах
Полушёпоты полубогов,
Полушёпоты полубогов.

Их я слушаю в старой рыбацкой сторожке,
Укрытой ветвями ивовыми.
И наблюдаю, как пенятся лужи,

Из форточки,
Чай попивая без сахара,
Чай попивая без сахара.

Тихо льётся по комнате свет от лампы.
Укрылась в углу моя тень,
От которой начало беру.

Имя тени моей —
Это имя второе моё,
Это имя второе моё.

Только рыба есть рыба в садке моём полном.
Фуфайка на мне есть фуфайка на мне.
Я же — то, что сейчас. И сейчас дождь закончился,

Воздух, травы, деревья чисты,
И весь мир будто снова рождён,
И весь мир будто снова рожден.

* * *

Словно на поздней яблоне,
В конце августа

Огоньками наливными
Да спелыми звёздами

Светятся яблоки,
Так после бани
И щёки сестры розовеют

Детской божественностью,
Летней вечностью
И обновлением жизни.

«Идите теперь вы с отцом.
Мы в печку подкинули дров», —
Говорит разморённая мама.

Как будто кувшин, до краёв
Полный тёплым, парным молоком,
Я трепетно,

Трепетно
Память несую.

* * *

Рыбак молодой в своей лодке дремал.
О своих позабыл удилах.
Позабыл давно то, что рыбак он.

А рыбы в кораллах молчали.
И чайки, смеясь, разлетелись.
И небо на всё с безразличьем взирало.

И ветер крепчал.

И крепчал, и крепчал.

Потемнела вода, что чиста была детской слезой.
Неизбежности тень пролетела
Над поздно опомнившимся рыбаком —
Так познал в совершенстве смирение он.

Никогда ещё не было в Канагаве
Таких смертоносных волн.

* * *

Повторяю, как мантру, себе: оставайся один.
С первых слов своих и до предсмертных седин.
Никого к себе ближе, чем на рукопожатие,
не подпуская.
Ты сам для себя — государство, вожак и стая,
Герой, пусть не избранный богом, без славы
и почестей,
Но не повесит на плечи отравленный плащ
Одиночество.

Оставайся один. И поймёшь: это будет не зря,
Когда мимо тебя пройдёт боль лихорадочного
ноября.

Взор отшельника чист, путь теряется в звёздах:
Без груза привязанностей поступь легче, чем воздух.
Оставайся один,
Оставайся один.
Если всё же не хочется,
То оставайся вдвоём тогда: ты и твоё Одиночество.

* * *

Выходя из супермаркета, я вспоминаю,
 Что сдачу оставил на кассе.
 Около ста рублей.
 Это четыре проезда по городу,
 Это добротный обед в столовой
 И конечно же литр холодного пива.
 Но ни то, ни другое
 Во мне сострадание не пробудили,
 Так пошёл я дальше,
 Себе удивляясь.

А вечером я понимаю,
 Что стал тебе в тягость и неинтересен.
 Может, и вовсе всегда был противен.
 И пусть
 Ты это воздух моим стихам,
 Сила, толкающая по жилам кровь,
 Бездна надежд и мечтаний, в которых тону я.
 Но ни то, ни другое
 Во мне сострадание не пробудили,
 Так прошёл я дальше,
 Себе удивляясь.

Алина Масалимова

г. Самара

* * *

Пепел стал одной из этих звёзд,
вклинившись в темнеющую синь.
Я храню клочки твоих волос
в позапрошлом августе. Аминь.
Я их с головы твоей сорвал,
как шалфей, ромашку, чистотел.
Над травой стоял медвяный пар
от дыханий двух невинных тел.
С этих пор сменили две зимы
плачущий взхлёб сырой июль.
И я начал думать, что не мы
приручали ливни тёплых бурь.

В пряности сгорающих пучин
я себе позволил утонуть.
Воздух тёплый пепел подхватил
и унёс в бездонный млечный путь.

* * *

Оставайся при любой погоде
 На своём железном корабле
 И смотри, как многие уходят
 По стихами выжженной земле.
 Попрощались с вечно юным морем,
 Отпустив гулять свои суда.
 Всё идут заросшим знойным полем,
 Принимая солнечный удар
 Бабочкой в раскрытые ладони.
 Наполняй приятным бризом душу,
 Ведь, устав от бешеных агоний
 Штормовых, и ты сойдёшь на сушу.

* * *

*...и высоко над теменем земли
 мы поднимаем на кресте любовью
 распятую любовь...*

Л.Н. Андреев. «Иуда Искариот»

Иисус любил, как ночью пахнут вишни,
 Как мёд течёт по глиняной посуде;
 С учениками распивал гречишный
 И часто забывал налить Иуде,
 Который знал, что так любил Христос
 Цветы, луга и Божии рассветы.
 Искариот любил — предатель рос.
 И спящему Христу носил букеты.
 Кусая кулаки, рыдал в траве
 И целовал росистый след Господень,
 И слушал, как по радостной земле
 Ползёт змеёй Голгофский знойный полдень.

Иисус на небе ловит дымный ладан
 И тлеющих созвездий корабли,
 Без усталости везущие из ада
 Цветы навечно преданной любви.

* * *

Отчего я не мягкость вельвета?
Отчего я не мартовский ветер?
Оттого, что я в тело одета
И не в лучшее тело на свете.
Отчего я не голос лилий
Или неба хрустальный запах?
Тяжело ощущение крыльев
Выносить на звериных лапах
Из бетонной своей берлоги,
Где нет даже цветной постели,
Написать вдохновенью ноги
Лёгкой дикой степной газели,
Чтоб полярной звезде навстречу
Мчаться, землю не задевая,
Кто Вселенную так искалечил,
До масштаба меня сжимая?
Распустить бы её на звуки —
Не мелодия я отчего же?
Я сцеплённые нервно руки
И лишь тёплый мешок из кожи.

...Мне б закинуть его в воды грота —
Чтоб река унесла забвенная...
Но живу, пока видит кто-то,
Как под кожей бьётся Вселенная.

* * *

*Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...*

Александр Блок

Я через всё переступил:
Через моря и через лужи.
И у меня осталось сил
Лишь зажимать руками уши:
Я голос твой на самом дне
Чем дальше, тем яснее слышу.

Не видно в чёрной глубине,
 Как солнце забралось на крышу
 Пятиэтажки на краю
 Моей обрубленной Планеты.
 Я приказал бы соловью
 Пропеть тебе в начале лета,
 Но тонут все мои слова.
 Да ты и сам споёшь неплохо,
 Когда потянется трава
 Ладонками чертополоха
 К июньским юным нежным дням,
 Улыбчивым и равнодушным,
 Где воздух чист и свеж, и прян,
 И хочет быть тебе послушным.

Post scriptum:

Свернуться бы у ног твоих
 Покорной, робкою волною.
 Рассвет твой горд, красив и тих,
 Ко мне повернутый спиною.

Тамара Нуждина

г. Самара

У серых берегов реки...

У серых берегов реки
Седое небо топит даль.
Там старый дуб вбирает дни,
Вбирает жёлтую печаль.

И кажется ему в ночи,
Что в отражении сквозь рябь
Над шелестом волны всё ты
Стоишь, намеренно клонясь.

Как жёг костёр и грелся здесь,
И не хотел идти в свой дом.
Врастал ногами в берег весь,
Деревеня под пальто.

Под утро нервною рукой
Всё трогал имя на стволе
И клялся больше не искать
Воспоминания во мгле.

Нараспашку

Просочились холодные капли
 В деревянные скважины-щели,
 Разлюбились шаблоны и грани...
 Нараспашку открытые двери!

Задышать свежим ливнем и шумом,
 Проследить за биением сердца
 И вобрать эту силу утра,
 И стать утром, и им же согреться.

Друг мой, чтобы во мгле не успелось
 В одиночестве мёрзнуть подспудно,
 Посмотри: может всё твоё тело
 Каждый миг пробуждать в себе утро?

Про рожь

В дни, когда есть хлеб да вкусная еда
 Или главы не воюют государств,
 Ровным слоем на лице твоём хандра,
 И не смыть её ни завтра, ни сейчас.

А когда на небе солнца не видать,
 Умирает зародившаяся рожь —
 Говоришь, что начинаешь понимать,
 Для чего на самом деле ты живёшь,

Схватишь флаг да лихо прыгнешь на коня,
 И помчишь галопом быстрым в вихре дней,
 И, быть может, не найдя себе врага,
 Ты узнаешь имена своих друзей...

Но пока не поздний вечер, милый мой!
 Эта просьба не обяжет навсегда...
 Нашу землю свежей напои водой,
 Да глядишь, и рожь сама взойдёт с утра.

Картографически

Составить бы карту мне из калачиков:
Калачиков-девочек, калачиков-мальчиков,
Что спят и мечтают из маленьких зайчиков
С тигриной походкой расти.

Но в этом же разве не прелесть и милость,
Что в каждом из нас улеглось и забылось,
Когтями кромсалось, и шкура навырост
Вдруг впору — на полпути.

На каждую силу находится сила,
Не лучше ли многим глубоким, красивым
Остаться на карте приверженцем мира
И трогательность привнести.

* * *

Мягкой шёрсткой стелилась земля,
Травный запах полей луговых,
Полутоном читалось: нельзя,
Но доверился вечер, затих,

Молодой и красивой луне,
Звёзды сыпались, еле дрожа,
И заветами помнились мне
Сны, в которых летала душа.

Андрей Орехов

г. Самара

Монах без головы

В одном из храмов Индии далёкой,
Среди лесов и рек, невиданной травы,
Семь тысяч лет в спокойствии глубоком
Молитвенно сидит монах без головы.

Он с Богом говорит на ангельском наречье,
Он с Богом говорит — с кем говорите вы?
Он с Богом говорит на языке сердечном,
Чтоб с Богом говорить, не нужно головы!

Семь тысяч лет — вселенское мгновенье.
Семь тысяч лет ведёт он разговор,
А голова растёт, пусть медленно, но верно.
Вот выросла, за ней возник топор.

Чтоб мысли не мешали разговору с Богом,
Чтоб в уши не сочился яд людской молвы,
Летит топор монаху на подмогу,
Но пролетает мимо головы!

Чёрные птицы

По ночам, когда не спится
После суетного дня,
Мысли, чёрные, как птицы,
Налетают на меня.

Никуда от них не скрыться,
Небо разума темно!
Всюду чёртовые птицы:
Надо мной и подо мной!

Видно, сам я их накликал.
Видно, сам я виноват.
С первым петушиным криком
Все куда-то улетят.

Буду Господу молиться
И, уверовав в любовь,
Буду пшённые крупички
Рассыпать для воробьев.

Сибирь

Под грозные вои метели,
Могучий сибирский шаман,
Швырял я медведей на ели,
Как будто лесной ураган!

Я был необузданный, крепкий.
Над мёрзлой землёю летя,
Медведи хватались за ветки,
Скелетом медвежьим хрустя.

И сыпались, сыпались шишки
На белый от ужаса снег,
И бедные, бедные мишки
За шишками падали вслед!

И всё это было кошмаром
 Иль не было? Сам не пойму.
 Сибирь — это вам не Самара!
 Сибирь непостижна уму.

Между явью и сном

В глазах темно, в ушах противный звон.
 Мне видно, неотчётливо, неясно,
 Как кто-то в чёрном жизнь вдохнул в картон,
 Картонки превратились в свинопасов,

Принцесс и дурачков: куда без дурачков?
 Хоть этого добра не надо даром.
 И дурачки под топот башмачков
 Решили оккупировать Самару.

И мне уже не важно то, что я
 В шеренге дурачков стою нестатно.
 Мне хочется, чтоб незнакомец взял
 И выдохнул всё, что вдохнул, обратно!

* * *

Бывают дни без суеты шуршащей,
 Ничто не нарушает их покой.
 Пусть мир летит, нелепый и спешащий, —
 Я начихать хотел на мир такой!

Но в эти дни, когда на сердце ясно,
 А ум исполнен мудрости благой,
 Я понимаю то, что мир прекрасен,
 И что я часть его, я часть его...

Привет из Краснознаменска

Ах, Ира, Ира, Райрурира,
Ах, Ира, Ира, Райрура,
Изящная, словно рапира.
Возвышенная, как гора.

Ну что ты, Ира, натворила,
Стремительная, как стрела.
Зачем меня ты вдохновила
Писать стихи? Лалайлула.

Ах, Ира, Ра, Рурайрурира,
Ахира рира райрура,
В моей душе играет лира,
И не уснуть мне до утра.

Ну что сказать, Рарирурира,
Рарира Ира лайлула.
Я подарил б тебе полмира,
Но я поэт, лулайлула.

Александра Синёва

г. Самара

* * *

Туман густеет, тянет холодом
Вдоль старых вязовых аллей.
Цветы от солнечного голода
Становятся тусклей, слабей.

И по утрам теперь всё в инее,
В набросках будущей зимы...
Я не могу согреться именем
Уже ничьим, мой дом уныл.

Так ниспадает одиночество,
В осеннем сумраке таясь.
Ты перечёркиваешь отчество
Своё и с прошлым режешь связь.

Есть только голос, тень, и плавится
С бумаг чернильный ворох букв.
Бессонницей дух сонный мается,
Ничьих не принимая рук.

И ветер листьями измятыми
Стегает улиц пустоту.
А с ветром, будто бы распятые,
Взмывают птицы в высоту.

И я иду, шагами меряя
Ушедших лет пустой гранит.
И быстротечность, тонкость времени
Всё сквозь меня бежит, бежит...

* * *

Я сижу на холме.
За моею спиной
Поднимается круг
Раскалённого света.

Мои губы — в вине,
Порождённом водой.
Никого нет вокруг,
И лишь ласковый ветер

Нежно гладит траву,
Тихой флейтой звуча.
Алый огненный диск
Поднимается выше.

Ты рассвета крылу
Отдавай всю печаль
И поближе садись —
Может, тоже услышишь

Песни сумрачных гор
И дремучих лесов,
Убегающих рек
И костров поднебесья.

Что струями льда раздирают засохшую землю
И дарят покой, восполняя и силы, и дух...
Спокойные скалы беспечно столетьями дремлют,
Всегда равнодушные. Первый луч солнца потух,

За ним и второй... Горизонт заливается алым,
Холодную ночь предвещая и звёздный навес.
На этой земле повидали уже мы немало,
Но сколько ещё не прошли, не извели мест!

И с новым рассветом ступать по тропе сквозь
нагорье —
Вот всё наше счастье, смысл жизни и цель на века.
И, может быть, правы индейцы: не будет пусть моря,
Но мы будем вечно шагать, восходя к облакам...

* * *

Сладкая — ах! — сердцевина мая
Греет надежду в груди на всё,
Что только сердце не пожелает.
Вёсны извечно берут своё:

Ярким дурманом цветов и песен
Вновь возрождается юность в нас.
Вдруг понимаешь: как мир чудесен!
Утро встречаешь, как в первый раз.

И, провожая закат улыбкой,
Грезишь о новом, прекрасном дне,
И различать начинаешь скрипку
В песне о счастье на всей земле.

* * *

Кот ластится ко мне. Спокойный свет
Уставшего под вечер коридора.
И улицы промозглая Гоморра
Уже не закричит сегодня вслед.

Я всё ещё живу. Часы идут,
Последовательно считая годы.
Сквозь смену лет, закаты и восходы
Проложен моих дней земных маршрут.

Мой дом молчит, тактично, как и я,
Вопросами не сотрясая воздух.
Всё в этой жизни — гениально просто:
Пойми других — и ты поймёшь себя.

Вечерняя Аврора в окна льёт
Рубиновую воду поднебесья.
Неколебимо мира равновесье,
И каждый год в Сочельник — новый год.

Сквозняк свои ладони мне кладёт
На лоб и на виски, даря прохладу.
И я жива. На небе — звёзд плеяда.
Часы идут, и жизнь моя идет...

Антон Турков

г. Самара

Фантом

М.

Ты стоишь подле правого моего плеча,
что ни руку набок занести сгоряча,
ни замкнуть ею плотную цепь объятий,
чтоб делимая с кем-то под вечер свеча
колыхалась бы, взбудораженная бегом запястий,

пусть давно девятнадцатый век миновал,
да и мы не в Австрии, чтобы бал
в фотокарточке оттиском в цвете был, а не
скалолазом, угораздившим в снежный завал.
Где белым-бело, там обычно сани

по отсутствию следов различают овраг
и бредут осторожно, замедлив шаг,
на полозьях, как речь эта, витиеватых.
Ибо ближе к зиме речи кутаешь в шарф;
и дыханье скользит по плечу, что покато.

* * *

В странах нечётких связей, где иллюзивные газетные
заголовки
устаревают раньше, чем раскроешь страницу,
тем более суть,
а актуальные, казалось бы, вечно латинские
татуировки
только и ищут исхода с кожи, как с термометра ртуть,
нету места константам, палатам мер и весов
и системам СИ,
нету времени даже выговорить Миссиси...

Сидя рано утром на скамеечке возле родной калитки
и прижав колени к груди, чтобы смуглый уборщик
следы стереть
смог, услышишь, как металлический ZKR-300
тащит твои пожитки —
и за то спасибо, что у будущего в прошлом осталась
плеть.

* * *

Оставшись тенью среди людей,
с неодушевлёнными предметами
найдёшь язык и в мир идей
Платона ускользнёшь.
Советами,
которыми богат пещерный мир,
который, как нам кажется, реален
в минуты оживления квартир
и их золовок тощих — длинных спален,
предпочитаю пренебречь. Они повсюду,
словно мотыльки на свет,
летят, не ведая испуга
быть отброшенными. Нет,
уж лучше добрый абажур,
погаснув, подоткнёт мне одеяло,

куда бы я, как в кожуру,
накрытую от лучников забралом,
спрятался бы. Там внутри
не будет деления негласного
на ты, я, мы, они
и гласные окажутся согласными.

Хотя и верю, кто-нибудь ползти
захочет по стене со мной,
а если нет, то отскоблит,
в ведёрке унесёт домой.

* * *

Мне ещё нужно учиться русскому языку.
Я учу чужие,
а свой не знаю.
В разговорах с другими
слова берегу,
из набора
по красной цене
вставляю.

Я, читая героев ушедших столетий,
ставя лагу ограничение,
равное двум,
изрыгаю предсмертную череду междометий:
выиграл
в нашей дуэли
авторский ум.

Я ушёл весь в цифру, я погряб в числе
сокр.!
служащих надёжным укрытием
б у к в а м!
притаившимся там, в конце,
но они ведь тоже часть развития

той мысли,
 в основании вставшей,
 им рядом друг с другом
 быть приказавшей,
 самую себя
 среди них растворившей.
 Точками изувеченной.
 Ничего не достигшей.

Мне ещё нужно учиться русскому языку,
 я хочу сохранять высоты полёт,
 в чужеродную недружественную попав среду!..
 Я единственный и ответственный в кабине пилот.

Ванной комнате

Я набрал воды до краёв в моей ванне.
 В этой маленькой келье лёжа в нирване,
 уподобясь субъекту в руках Архимеда,
 вытесняю вовне закупорные беды.

Когда я за границами влажного куба,
 мир троится в степень испуга, туго
 вяжет и хочет загнать обратно:
 здесь линейно всё, а там — непонятно.

Здесь могу притвориться почтенным пэром,
 зализав назад волосы. Немного пены,
 и дублёром стать могу Деда Мороза,
 подбородка длину подогнав под образ.

А ещё я болельщик овальной арены
 на финальном забеге восьми капель по стенам.
 Половина — это выходцы с холодного крана.
 Королева дистанций — полплиты до титана.

Я технично меж пальцев ловлю затычку,
 поднимаю. Новый призыв воды. Переключка.

Заглушает мне совесть журчанье струи:
у нас общий счётчик, мне хоть бы хны.

Я исследую рябь зелёной мочалки,
рассуждаю на тему двуконечности палки,
в общем, ни одна из проблем Вселенной
здесь не получит ярлык застенной.

Я могу пролежать так и час, и два,
скандируя громко: «Хламидомона-ДА» —
нам твердили в школе: жизнь пришла на сушу,
ну, а я к истокам. Друг и рыбам нужен.

Я всплываю наверх, как подводная лодка,
предкаютную только услышав чечётку,
дети требуют Главка адмиралтейства.
Мне четвёртый десяток. Я отец семейства.

Семинар поэзии

*Руководитель —
Николай Владимирович Переяслов (г. Москва);
ассистенты:
Дмитрий Александрович Ревякин (г. Самара),
Татьяна Геннадьевна Шишкина (г. Самара),
Наталья Сергеевна Филимонова
(г. Санкт-Петербург)*

Екатерина Афанасьева

г. Саратов

* * *

Моё время, сминаясь в пружину,
Зависало в свободном полёте,
Чтоб меня, перегнув через спину,
В бесконечность осколками бросить.
Кто ты? Зачем появилась?
Да не важно всё это снова.
И мой космос «загадочно» мнимый —
Лишь красиво-пустое слово.
Перемолота буду годами,
Как и все, как и всё... просто страшно,

Пустоту внутри открывая,
Я не вижу в себе уже важного.
И идёшь, отражаясь в витринах,
И старательно в них не смотришь.
Это как голосить до хрипа
В наполненной вакуумом комнате.
Моё время скользит сквозь пальцы,
Пустота пустотой остаётся,
Как красиво бы ни была названа.
Я срываюсь в фрактальном полёте
И рассыпаюсь головоломками, пазлами...
И мне ничего не остаётся...
Истощаюсь ресурсо-запасами...
Если честно, то мне в удовольствие
Иногда быть ласково названной,
Но пустота пустотой остаётся.
Об этом уже рассказывала.
Как красиво бы ни светили звёзды,
Большинство из них уже не существует.
Так и каждый третий прохожий — мёртвый
В лабиринто-сплетениях улиц.
«Три точки — три тире — три точки» —
Отчаянный сигнал бедствия.
И у меня всё больше вопросов...
Но не надеюсь, что будут ответы...
И вот так без гравитации...
SOS... Тишина... SOS...
Моё внутреннее пространство
Перетекает в холодный космос.

* * *

Моё лето саднит ожогами
На руках и где-то в груди.
Моё лето до ужаса однобокое
И в ушах отдаётся будильником.
Моё лето пропитано счастьем,
Но таким векторально далёким,

Потому что для счастья я — наблюдатель...
 Будто в замочную щёлку...
 Моё лето рассыпано по подоконнику
 Карандашами, пепельницей и блокнотами...
 Оно бесконечно спёртое
 В лёгких, накаченных жарким воздухом.
 Моё лето кругами ходит по комнате,
 Полосой пробиваясь меж блоков
 Тех домов во дворе? заброшенных
 И смотрящих на меня побитыми стёклами.
 Моё лето поёт охрипшим голосом
 Про какую-то там любовь
 На рассвете. У бара.
 С людьми, с которыми параллельными
 полосами...

Но сошедшихся на дне стакана.
 Моё лето кого-то оттуда выберет
 И оставит за пазухой, спрячет.
 Как обычно, всё взвесит и вымерит.
 Остальное сметёт рукавом усталым.
 Моё лето выжгло до пепла
 В голове все междоусобные войны.
 И только губами обветренными:
 «Тише... тише... спокойно...
 Впитывай, девочка, впитывай
 Всё хорошее и всё плохое...
 Оно всё тебе не раз пригодится,
 Оно всё бесконечно живое».

Моё лето сегодня сморщилось...
 Потускнело, продрогло, сжалось...
 А я даже не узнала за закрытыми окнами...
 Как ему там?
 Одному...
 Умиралось...

* * *

И вот опять меня выжимает,
Как старую простыню,
Заботливо прошедшую дезинфекцию...
Да я одушевлённая, даже отчасти живая...
Только выцветшая и от избытка крахмала
До хруста очерствевшая.
Выстирана, повешена, высушена,
Отмечена, как и все мои близнецы,
больничным штампиком...
Чтобы из раза в раз быть постеленной
Под души хандрящие и заболевшие.
А что уж там и какая я... наплевать...
Я одна из многих, не видно разницы.
Моя задача — к душам не привыкать.
По плану смена белья каждую пятницу.

Любовь Войнакова

г. Каменск-Уральский

* * *

на какой остановке выходит моя душа,
если поезд идёт до конечной, потом — в депо.
я останусь лежать среди сумрака, тихого камыша,
когда всё-таки выйду. сейчас, вот-вот
безголосая поступь сольётся с немой травой,
шум колёс оборвётся и без вести ускользнёт,
и покажется чистый родник с ледяной водой,
и туманная речка, а в ней — незнакомый брод.
я её переплыть, оттолкнувшись от берегов,
много раз бы сумела, но там не ждут.
и пока не услышу оттуда окриков-голосов,
камышы — мой последний земной приют.

* * *

я прихожу домой,
и мне становится страшно
за то, что делаю всё неправильно.
наверное, вместо возвращения
надо было потеряться
ещё несколько лет назад.

тогда с тобой я бы не говорила,
не вздрагивала зябко:
мол, закрой окно,
а лежала бы под деревом невысоким.
ну, знаешь, как оно бывает:
в ушах трава шумит,
тело ватное;
кругом земля
тёплая,
спокойная,
и небо в глазах бескрайнее
отражается синим зеркалом.

* * *

каждый стих о тебе
как вздох облегчения.
на этот раз обошлось,
и можно продолжить:
мой ребёнок меня не убил.
кто отец — не имеет значения,
но вы с ним похожи.

и поэтому много ещё детей
попадут в тираж,
разойдутся мимо.
и в один из самых случайных дней
я по почте
пришлю тебе
сына.

* * *

женщина едет домой — в Луганск.
поезд кренился на поворотах.
женщине, видно, уже за сорок,
скорее, даже за пятьдесят.
у неё на столике
огромная банка сахара.

женщина шутит: надолго ещё хватит,
 когда приедет.
 а вот куда приедет — этого не знает...

полгода жила в Челябинске
 вместе с сыном,
 который там и остался.
 «не волнуйся,
 как только приеду —
 обязательно тебе позвоню».
 говорит, что сейчас он ищет работу,
 а сама решила вернуться,
 когда стало спокойнее.

завтра почти граница —
 Миллерово, пересадка.
 женщина курит на станциях,
 когда поезд делает передышку,
 и пьёт настоящий кофе,
 возвращаясь в плацкарт.
 кроме прочего, умеет гадать
 на кофейной гуще,
 но себе — по правилам — не гадают.

мы с подругой желаем ей удачи
 и выходим в Самаре.
 а у меня в голове
 всё её слова:
 «еду и сама не знаю — куда» —
 а перед глазами —
 белая банка с сахаром,
 который мы почему-то не ели,
 когда она нас угощала.

* * *

сердце болит на выдохе.
песком сыплется, сыплется,
пересыпаться не может
за борт. так скоро
к берегу не причалит.

сердце болит на вдохе.
волнами падает, падает,
подняться не может
сразу. девятым валом
берега не коснётся.

Татьяна Губанова

г. Самара

* * *

Всполохи над ограниченным сверху счастьем,
 над ним, над тем, которого не украсть им
 всем, другим, чужим, многим,
 у неё, у такой святой,
 той, которой в ноги
 брошены все всполохи,
 будто сухие ветви — холодные провода,
 вода,
 его голые плечи,
 под коими — вечно ранимая и тщеславная я,
 и ниже меня только корни,
 вечно сухие корни.
 Он обещает прийти во вторник
 и не приходит. Я говорю:
 «Соври ей! Соври ей: это не грех».
 Он говорит, что она так похожа на Деву Марию...
 А я просто люблю его больше всех.

* * *

Будь как ветер
задумчивый и упрямый
застывающий между оконной рамой
и мной
нечеловеческий неземной
но живой и желающий жить порыв
извергающий из груди пары
ядовитых веществ и утренних электричек
там где тысячи одиночеств предстанут в обличии
людей
огней
затухающих на глухой
измождённой площади
там где хочется быть с тобой
там где невыносимо хочется
быть тобой
жить
любить
говорить
словно город страдающий астмой
перерождаясь в прекрасное
бредить иссякнувшей темнотой
там где ты превращаясь в бессмертное
дышишь мной

* * *

Луна похожа на срез молодого пня,
кровоточащего памятью дней.
Возможно, здесь была яблоня,
а на ней —
плоды,
что лет десять тому назад
казались вкусней, чем есть.
Лет десять тому назад начали умирать друзья.
И ты.
И я вспоминаю о том, как ещё десять лет назад,

готова к продаже свой дом и заросший сад,
 срываю плоды —
 угощение любимым внукам.
 Будет повод им рассказать,
 как тянулись к развесистой кроне руки,
 чтобы с дерева, словно яблоко, снять
 непослушного их отца.
 Далеко, впрочем, всякому до образца
 поведения в десять лет.
 Но ума ведь и в двадцать особого нет
 в мире этом, где столько счастливых любовников;
 в мире этом, где — ты и в руках созревают яблоки,
 самые сладкие,
 яркие, как луна.

* * *

Каждый знает, что слышал утрюмый Синай:
 если хочешь быть свят, то люби, да не возжелай,
 ибо желание есть страдание и порок,
 от которого умирает и человек, и Бог.
 Для простоты расчёта желание делим на семь.
 Вот, например, знакомо всем,
 что чужие жёны стареют медленнее своей,
 той, которая больше не Афродита,
 скорей
 Венера эпохи позднего палеолита.
 Только дело здесь даже не в зависти...
 Если условно провести черту равенства
 между Иисусом
 и Бодхисаттвой,
 в вечном Хаосе Космоса слеповатом
 можно увидеть такие странности,
 что милосердие — высшее из искусств, а
 истина — в многогранности.

Песни Офелии

Отчего же всеми ты
Вновь была забыта,
Осветившая холсты
Прерафаэлитов.
И кувшинкой на воде,
Потерявшей стебель,
Твой последний хмурый день
Проплывёт на небе,
Затеряется в глуши
Вязкого болота
Мрачным призраком тиши,
Недопетой нотой.
Не вернуть тебя назад,
Боль сгущает краски,
И стеклянные глаза
Застилает ряска.
Изумрудная тесьма
Украшает платье,
Только в нём себе сама
Больше не спасатель.
Не завидует вода
Всей дороговизне.
Здесь извечная череда
Смерти или жизни.

Светлана Иванова

г. Уфа

* * *

Когда кругом шестерни и втулки
 И мир безжалостно горячей,
 Становишься полым, пустым и гулким,
 Прошедшим обжиг его печей.
 Становишься стоящим, твёрдым, звучным:
 По боку щёлкнут — и звон внутри.
 Не тиражированным, но штучным,
 Обретшим собственный тон и ритм.
 Не лучшей версией прошлых версий,
 Но самой сутью совсем другим.
 И пусть сейчас сам себе ты тесен,
 И каждый вдох — всех адов круги...

Тебя Господь, словно глину, месит —
 Так будь достоин его руки.

* * *

Том не боится призраков и вампиров,
Громко хохочет над оборотнями и зомби.
Тому двенадцать, но он хорошо запомнил,
Что такой ерунды не бывает в реальном мире.

Заводила в компании сразу же ясно кто,
Садины на коленках, веснушки, вихры...
Только в последнее время Тому совсем не до игр:
Кто-то вторую полночь стучится в его окно.

Кто-то стучится, не ветка, не сон, не дождь,
Кто-то зовёт, не приятели, не друзья,
На зовы таких гостей откликаться никак нельзя —
Томас молчит, заливаётся потом сплошь,

Утром, себя не помня, идёт во двор,
Ищет следы и знаки — хоть что-нибудь...
Почему его выбрали? Как нашли к нему путь?
Что это — глупая шутка, дурацкий спор?

Томас трясётся так, что дрожит кровать,
Которую ночь подряд, и этому нет конца.
Он откуда-то знает: у них — ни имени, ни лица...
«Томми! Эй, Том! Выходи играть!»

* * *

Нечего делать. Обратный отсчёт не в счёт,
Чтобы увидеть свет не хватит глазных колб.
Назначил себе дилемму — не прячь в стол,
Решай. Наступило время держать отчёт.

Кто же ты? Мультипль, хоть и авторский, но повтор,
Доблестный рядовой самовыдуманых мессий?
Вынеси себя в массы, выплесни, голоси,
Сделай из шоу революцию, *por favor*.

Или ты мультиплет, кривой и сбоящий код,
 Мозговой расщепенец, миллигановский послед?
 Если считаешь, что против тебя весь свет,
 Множить в себе себя же — удачный ход.

Выбирай, только помни: все дороги ведут с ума,
 Сценарий давно прописан, финал един.
 От младенческих воплей до старческих до седин
 Голова твоя — и тюрьма тебе, и сума.

* * *

В этом безумии выжить — большое дело,
 Остаться в рассудке — сложнее любого боя.
 Здесь не бывает обеда или отбоя,
 Только удар, когда валится чьё-то тело.

Мне больше некому отправлять жетон,
 Потому я пишу тебе, так меня не ждущей.
 Тут не приемлют парности, душу рвущей,
 И память о прошлом считают за моветон.

Здесь не поют осанны: не та война,
 Максимум кто проронит: «Какого чёрта».
 Слова выпадают камнями, и воздух спёртый
 Глокает чужие звания, имена...

Тяжкий небесный грохот, божественный саундчек
 Разгоняет нас по местам, как детей в театре.
 Сквозь рокот воды я слышу напев Синатры
 Таких же зверей, не впущенных на Ковчег.

* * *

Меня не учили молитвам — на том спасибо:
Не получила привычки помощи ждать извне.
Покуда другие в небо орут до сипа,
Я раздуваю угли, спрятанные во мне.
В конечном итоге всем нам гореть в огне.

Меня не учили слабость нести как знамя,
Ответственность скидывать на сущности в облаках.
Дяденька боженька, до дрожи затюканный вами,
Никак не влияет на свет у меня в руках.
Что посадили — пожнёте. Сажают беду и страх.

Меня не учили молитвам, но редко кажется,
Что лучше бы чья-та ладонь за плечо взяла,
Направила, вывела... И сами слова укажутся:
Главное, не убояться зла.
Только бы не убояться зла.

Константин Комаров

г. Екатеринбург

* * *

Пространство сумерек кромсая,
сквозь плотную густую сталь
с небес идёт дождя косая
прозрачная диагональ.

И ей навстречу — световая —
из неопределённых мест
идёт диагональ другая
и образует с нею крест.

А ты гадаешь всё: при чём тут —
подкожную гоняя ртуть, —
не те, кто ими перечёркнут,
а Тот, кого не зачеркнуть.

И засыпаешь ненароком,
размалывая все мосты,
а тело чует за порогом
уже нездешние кресты.

* * *

Катись, катись, колечко,
по мякоти колец
и всё, что бесконечно,
закончи наконец,

чтоб я предстал — уравнен —
как О среди нулей —
лети, лети, журавлик,
сквозь стаю журавлей.

Довольно вшей карябать
у речи в парике.
Пльви, пльви, кораблик,
по твёрдой по реке.

И, встретившись с латуною
заплаканных лакун,
сквозь тишину блатную —
кричи, кричи, крикун!..

И через предфинальный
слепой фанерный мрак —
свети, свети, фонарик!
Молчи, молчи, дурак!..

Скули немой скалою
под сухонький смешок.
Боли, боли, бывшее.
Стихай, стихай, стишок...

* * *

Это я, а это сигарета.
Это — губы, а вот это — дым.
Это — лето. Но не это лето —
с простынёй, протёртою до дыр.

Это ты: на фото, на качелях,
вверх летишь, сияя и смеясь.
Это мир — печальный и ничейный.
Это — видео. На нём — мужик и ЯЗЬ.

Это — время, вмёрзшее в пространство,
это вечность, лишняя для глаз.
Это — белый свет глядит пристрастно —
на других, конечно, не на нас.

Это — смерть. А это подготовка
к этой смерти. Я почти готов.
Что ты скажешь мне, лиса-плутовка,
хватит ли попеременных слов?..

Не пора ли собирать камни
в очереди у билетных касс...
Это — вообще местоименье
с бережной пометой «указ»...

* * *

Юрию Казарину

Двухцветной пешеходной зеброю
прозрачный путь пересекло
стекло, смесившееся в зеркало,
забывшее в себе стекло.

Но не поверенные алгеброй
слова ещё ищи-свищи
по тем краям, где крылья ангелы
распахивают, как плащи,

где звуки, что ещё не розданы,
скользят утраченным стихом,
не ярче дыма папиросного
в свердловском воздухе сухом,

и неба минного, минорного
им никогда не миновать,
ведь всё, что не поименовано,
им суждено именовать.

Губам не каждым тайно вверено,
как масло, растопить число,
чтоб дерево сквозь слово «дерево»
обычным чудом проросло,

чтоб снов серебряные вентили
вели к изнанке след витой,
и чтоб дышала лунка светлая
в воде, измученной водой.

* * *

Саше Костареву

Бывает, уставившись в точку и ждёшь,
когда из неё прорастет многоточье,
и каждый падеж вызывает падеж
беспечных стихов, ибо грифель подточен.

И, кажется, это немного смешно,
но верно всегда, даже если неверно,
когда ты наружу выходишь с мешком,
в котором коты и подарки, наверно.

Тогда расцветает пробелами мгла
и всю нашу жизнь освещает подробно:
изгой на героя — глядит из угла,
герой на изгоя — глядит исподлобья.

Любой светофор превращается в слух,
горчичные песни звучат из подвала,
аккордов поющим достаточно двух,
где три — будет много, один — будет мало.

И ты, посреди одиноких голов,
к своей пробиваешься собственной гамме
и ритм ведёшь, словно тот крысолов,
которому ровно — Свердловск или Гамельн.

И сходятся в точке одной полюса,
и руки сжимаются в саже и дрожи.
Нет, дудка твоя — не затем, чтоб плясать,
но всё же танцуется, пляшется всё же!..

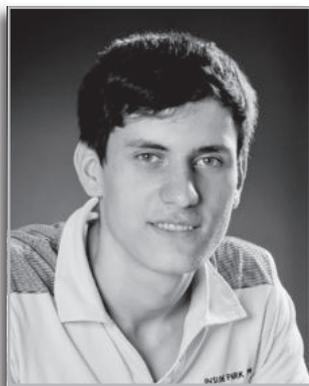
* * *

Так любят начинать со слова «так»
стихи о безысходности, однако
из всех иных панических атак
поэзия — последняя атака.

И позволяя миру угнетать
себя, ты избавляешься от ада.
Но всё не так, не так, не так, не так —
как будто бы ты знаешь так, как надо.

Михаил Макрушин

г. Уральск, Казахстан

12 апреля

шары и ленты,
сцены,
микрофоны...
на день зарделась памяти канва.
апрель гремит, и музыка права:
вот-вот уже появится у дома
зелёная-зелёная трава.

я человек!
я сунул руку в космос
и смог на ней повиснуть.
в тот же день
ты не исчез,
не превратился в тень,
скорей по траектории откосной
упал, как разработки бюллетень

на Землю.
пусть в конечном результате
первооткрытий и геройства нимб

другим достался,
 да и чёрт бы с ним!
 а я тебе, мой смелый испытатель,
 «спасибо» говорю и «извини».

архивы,
 дневники,
 любая правда,
 что славит те волнительные дни,
 подробно никому не объяснит,
 как женщина с глазами космонавта
 бьёт в грудь меня и требует:
 — верни!

* * *

эскиз марта
 вот март
 вот день
 вот площадь и скамейка
 луч солнца рикошетит от окна
 вот прыгает по лужам канарейкой
 девчонка в жёлтой куртке
 вот весна

вот звук её — капель самоубийца
 стучится в землю
 knock
 knock knock
 knock knock
 вот голод — голубь лезет прокормиться
 и топчется отчаянно у ног

шарнирной головой на каждом шаге
 он дополняет ритмику
 «вот-вот»
 вот бледный герб весны: архипелаги
 бесцветных островов на Волге
 взвод

ленивых облаков
на фоне грязи
и прошлогодних листьев.
красота!
вот плен весны — в груди разбухнул праздник
а тело придавили провода

* * *

слова
я насадил слова на провода
колечками
когда слетели птицы
и в образе советской продавщицы
откидывать их стал
туда-сюда

щёлк
щёлк
две сотни
щёлк
десяток нет
щёлк
два рубля
вместо копеек жвачку
возьмёшь?

глаза хранят нейтралитет
но мозг свербит
ну что ж ты так
медлительно
томительно
смирительно
пленительно
пронзительно
презрительно
язвительно
губительно
отсчитываешь сдачу

* * *

гроза
 не труп весны отчаянно смердит
 в кустах благоухающей сирени
 не ветви перспективного варенья
 с костлявой вишни выдают вердикт
 о том что был исчерпан смачных порций
 очередей дождя скупой лимит
 и не кредит безжалостного солнца
 на ржавых крышах гаражей гремит
 подошвами дешевых adidas'ов
 позавчера закончив n-ый класс
 я рухнул в лето перепрыгнув разом
 декаду мая
 и июнь сейчас
 паскудным
 недоношенным
 телеёнком
 не знавшим мать-весну лежит в степи
 его жрут волки
 грозовые волки
 но в жаре он
 смертельно хочет пить

* * *

тоска в августе
 сказать что август туп и бесконечен
 подобно комплименту этим дням.
 здесь времени — вагон, но он не лечит
 а заражает слабоумьем пня

когда без головы фантомной болью
 воздвигнутое псевдобытие
 исправно восхищает
 и тем более
 когда на тело плоское твоё

ложится тень,
дарующая негу
мечтаешь стать опорой для скамьи -
позиция простого... (человека?)
я незаметен, но ушам моим

представлены потоки информации
мечта — не то чтоб лень воздвигать,
а ничего не делать и держаться
за что-то, но опорой прослыть

пфффффф...

я без тебя по августу таскаюсь
с осанкой мула и лицом гуся
а замирая сразу представляюсь
оставленной бутылкой жигуля

в подвале, на балконе, в подворотне,
на козырьке подъезда, у метро,
на пляже, возле ёлки новогодней,
почти что год как вкопанной в ведро

она рыжа
как ржа
как сахар жжённый
я сам рыжею в этой чехарде
и обездушенный умалишённый
бреду как август вечером к воде

глядеть на переполненном осколке
прибрежья
тонкости момента вняв
как тушит солнце где-то там за Волгой
себя пожёванным окурком дня

Виктор Мишковский

г. Самара

* * *

Я закрываю глаза, погружаюсь в зеркальный мир,
 Мир, сплетённый из мифов, рассказов и толстых книг,
 Мир иллюзий Алисы и Гретель, волшебный мир,
 Мир, где Герды любовь мне лёд растопила вмиг.

Я бы маленьким принцем на птицах ушёл в полёт,
 Мне бы дьявол служил, проигравший в итоге спор,
 Мельниц проклятых полк предо мной полёт,
 Я знаком с Демиургом, но это, пожалуй, вздор.

Вновь закутавшись в саван историй, как в келье
 седой монах,
 Старый Гофман расскажет про принца, который
 игрушкой стал.

Пусть зачитан до дыр и давно у всех на устах,
 Но бессмертен поэтому и на памяти полки встал...

Я открою глаза, покидая сюжеты книг.
 Растворяются Гензель и Гретель, и домик их.
 Покидаю, но тайну одну постиг,
 Оставляю их в сердце и словно вырастаю в них.

* * *

Ты была моим первым симптомом осени,
Вызывая во мне одни ледяные дожди,
Кроны деревьев души оставляя с проседью,
Создавала пейзаж, повторявший тебя, почти.

Ты была первым льдом, затянувшимся в ночь
на озере,
И последнюю птицей, грустя, что летишь на юг.
Ты была тем туманом, что, двор по утрам окутавши,
Мне мешал видеть солнце и чувствовать пальцы рук.

Ты была оправданием. Последней и первой каплею.
Целый мир увядал в ожиданье твоей любви.
Ты смеялась в ответ, для меня оставаясь дальнейю;
И твои маяки зажигали уже огни...

Ты — Была. Так ужасно мне слово «прошлое».
Ты — Была. Заметает зима следы.
Ты — Была. И на сердце осталось вросшее,
Первым признаком осени всегда остаёшься ты.

Оставайся

Заклинаю тебя сквозь века,

Через бездны тьму
И бескрайний свет:
Оставайся здесь.

Оставайся.
Через путь планет
До тебя дойдёт
Голос высших сфер
И моих надежд:
Оставайся здесь.

Я молю сквозь сон,
Если слышишь ты.

Если завтра град,
Если завтра мгла,
Если завтра смерть,
Если завтра нет...

Если слышишь ты —
Оставайся здесь!

Оставайся здесь!
Будь же мне как щит
Иль распятия крест.
Мне не важно всё,
Если рядом ты.

Стон мольбы услышь...

Оставайся здесь.

* * *

На Вифлеем опускается ночь,
Прошло 2000 лет Христа.
Не смогу до утра уснуть,
И душа, как бокал, пуста.

Ветер гонит в пустыне пыль,
Созывает бал Сатана.
И на зов откликнулись вы.
И, конечно, была Она.

Собираются гости в путь,
Собирается ураган.
Собирался забыть про всё,
Только сборы сводят с ума...

Ветер гонит все мысли прочь,
Но нельзя туда не идти.
Время лечит?! Да Бог с тобой,
К одному все ведут пути.

Я приду туда, как и все,
Чтоб гореть без огня в груди.
На Вифлеем опустилась ночь,
Ещё 2000 лет впереди.

Поэтам

Выстрой тонкие линии —
Воображение чувства фантазии.
И тут же предай эвтаназии.

Все эти чувства, мысли — рефлексy,
Копии, снятые с копии.
Таких же поэтов-творцов не миллионы,
Но сотни.
Тонким пером, играя словами, возводят
конструкций горы.
Не создавай иллюзий, фантазий,
Черепной коробки не покидай комнату.

Не возжелай чужого, не создай идола...
Прорасти в догмы.
Стань идеальной начинкой гроба.
Не пиши, не читай, а лучше — даже не думай.
Поэтов много, и заводы стоят,
Не раздражай улей.

Ирина Попович

г. Самара

* * *

Предрассветное марево. Сон
 Растворится в комнате душной.
 Открываю глаза: мне не нужно
 Слушать шёпот ветвей у окон.

Я слаба. Мой невидимый нож
 Чуть острее, чем мой воротник.
 Если б воин душой так поник,
 Проиграл бы заведомо. Что ж...

До сих пор этот город не стал
 Ни любовником мне и ни братом.
 Моя храбрость сжимается в атом,
 Я смотрюсь в коридор из зеркал.

Очень просто от боли бежать
 И легко сменить вид за окном,
 Но непросто не думать о том,
 С чем годами ложился в кровать.

* * *

Скажешь: «Лучше гори, а сторгать перестань».
Скажешь: «Хватит пускать яд иллюзий в гортань».
Я отвечу: «И верно, от правды не хуже».
Но затем, протянув тебе плотную ткань,
Попробу завязать мне глаза, да потуже.

Я пыталась смотреть. Вывод мой очень прост:
Если вижу, как с грохотом рушится мост,
Что мы строили вместе всю зиму и лето,
То отчаянье всюду за мной, точно хвост.
Что такое отчаянье? Думаю, это

Как, не зная ответа, стоять у доски.
Или, если ты взрослый, бежать от тоски,
Понимая прекрасно: проиграна гонка.
Ведь тоска, как и кровь, ударяет в виски,
И ты в бегстве своём так похож на ребёнка.

Мне и город, и комната нынче тесны.
Ты со мною, как кошка, ну, будем честны,
С полумёртвою птицей играешь всё лапой.
«В правде сила» отскочит, как мяч от стены.
Только я от неё стала слишком уж слабой.

* * *

Между нами огромный вопрос.
Я на крыше сижу и всё думаю: «Где ты?»
И до пения птиц, до последней кометы
Будут мысли лететь под откос.

Между нами полгорода. Спать
Я почти не могу. Вспоминаю сперва
Губы тонкие. Кругом идёт голова,
Но меня всё же ловит кровать.

Между нами метро, пять шагов.
 Вечер приторный в небе медовом повис.
 Солнце яблоком спелым покатится вниз,
 Я уйду в мир уютных дворов.

Между нами ряд стульев, и грудь
 Мою тесно сжимает неистовый страх.
 Я теряюсь в твоих бесконечных глазах,
 И уж лучше б ты был где-нибудь.

Щёки алые — утренний мак.
 Все секреты раскрыты, все песни допеты.
 Ты был ближе, когда я не ведала, где ты.
 Между нами широкий, но шаг.

* * *

Я запомнила правило номер один:
 Если в парке/метро я из множества спин
 Вдруг начну, распевая любви своей оду,
 Твою спину искать, будто в засуху воду,
 Тотчас душу закрыв, напишу: «Карантин».

Даже радиоволны, частоты помех
 Могут ясно напомнить твой искренный смех.
 И не шутка теперь: амнезия при этом
 Больше кажется выходом, нежели бредом.

Сказок много с хорошим и добрым концом,
 Ради этого стоит идти напролом,
 Только в трещинах вся, словно старая краска,
 Моя некогда тёплая, светлая сказка.

Далеко от тебя мне доставшийся путь,
 Потому и любовь я вдыхаю, как ртуть.
 Но я смело скажу, душу вмиг опрокину:
 Каждый день я надеюсь найти твою спину.
 Пусть не рядом, но счастлив, пожалуйста, будь.

* * *

Слышишь? Парки сиренью уже шелестят,
Молоком подогретым разбавлено небо.
Мне бы платье, билет до конечной и мне бы
Новый день, чистый лист, что нетронут и свят.

Я немного простужена, как и весна,
Прямиком от груди током бьёт до запястья.
Не симптомы ли это внезапного счастья?
Если так, то я рада, что нынче больна.

Воздух пахнет началом и нежным теплом,
Всё танцует вокруг, бесконечно смеётся.
Скоро всё расцветёт, и под золотом солнца
Мы на что-то решимся и чем-то рискнём.

И ворвётся в открытое настезь окно
Весь пропахший весной взлохмаченный ветер,
Запоёт свою песню, и в каждом куплете
Будет множество «заново» и «решено»!

Александр Фральный

г. Самара

Внутренний перенос

*Не плоды и не мёд,
а янтарный родной горный
свет переносного смысла.*

Андрей Темников

Когда я стану ушным врачом, мир
превратится в раковину, из которой
шумит море.

Его волны выносят на берег
забытые вещи:
любимые детские сны,
колыхание медузы в руках,
на коленях зелёнка и йод, в голове
граммофонный Чуковский.

Пахнет сладкая вата, и крыса
под листом точно так же лежит,
я проверил:
только мех чуть темнее и тоньше.

И шипы на спине крокодила,
с которым в руке
я полсвета избегал за утро,
проступают гармоникой —
в одной фазе с морем
сквозь
окаменелость и немоту,
чтобы сделать их переносимыми и пере-
нести.

* * *

За «не прислоняться»
между Гагаринской и Спортивной —
фосфоресцентное озеро,
кистепёрые рыбы,
белые тараканы,
ошеломлённый собственный взгляд в
отражении.
Дыхание Атлантиды,
горечь ненужных даров...

После —
всюду: русалочье пение,
чешуя крокодила в листве,
а из этого мира —
лишь лысый мужик в красных джинсах
под волною асфальта,
как маленький остров, исчезнет.
Здесь кончаются рельсы,
вонзаясь в китовый плавник
и качаются рельсы,
и прыгает поезд на них,
как гимнаст на козле,
и в глаза мне глядит мой двойник,
поднимаются губы в улыбке.

Дисперсия

Порой всё кажется... недвижимостью, что ли:
завязли сами, в тупике стоим,
но мысль пойдёт, как лошадь через поле,
заворожённая дыханием своим,

и воздух уподобится окну — лицо, ладони
мы прислоним, чтоб лучше видеть, как
идёт лошадка и в тумане тонет —
и никакого больше тупика,

лишь броуновский пляс ассоциаций
и притяжение студёного стекла,
в чьё силовое поле, может статься,
метель дыханье наше увлекла.

* * *

И грустно, и дождя косые пули
до полной непрозрачности стреляют,
и верстовые столбики парят, как миражи,
и чуются могильники скота.
Навстречу грузовой, прилипший к рельсам,
перебирает по-паучьи — ну, быстрее!
я помню это место: здесь овраг
и маленькие гномы в колпаках.
Мне интересно: вышли ли они
Навстречу долгожданному дождю?
Да, если бы не этот товарняк...
Чем дальше с неба льёт, тем пауза важней:
там ленту пулемётную меняют
и пассажиры вышли подышать,
вернее дымом посигналить богу.
Мы тронулись: так-так, так-так,
размазывая капли по стеклу,
портреты искажая на могилах
(возможно, их и делая точнее),
очередное кладбище прошли...
А лес вокруг — дремучий, между крон
угрюмый леший с дятлом на плече

качает сучковатую коленку
и пристально вслед поезду глядит.
Личинки, тля и мелкие жучки
в его сосудах привлекают птицу —
так скоро он рассыплется на части
и новый леший нужен будет лесу,
возможно, что из сосен или елей —
с густой смолой — живой, живой! Живой,
как в этих дачах (редкие) сады
(которые мелькают за окном).
Ведь на исходе жизни бабка приезжает,
копает, граблит, выдирает с корнем...
И годы лёгким стелются дымком,
и тянутся крыжовники и розы,
плоды качаются на яблонях и сливах,
и души человечьи в синицах,
а в людях — тля и мелкие жучки,
и грустно, и дождя косые взгляды.

На лужах чёрных

На лужах чёрных в тёмном переулке
деревьев отражения шумели,
свет фонаря клубился наверху
и в сочных кронах, как в болотах, вяз.
И в ножевом ранении сочилась
кровь — серая, как кошка в темноте.

Шаги прохожих капают водой,
на чистом небе возникают точки.
У слов нет смерти, и стеной слова стоят:
вот твой берлин, а там — другой берлин,
такой же, как и здесь, неполноценный,
но только в нём не точки, а отрезки.

Нет слов у смерти, только — перед ней:
«Пожалуйста, сердце полкилограмма...» —
в грядущее заброшенная леска,
при мелком дне и — чёрная — вода.
Что отразится: кошка или парка?
Соединятся ль линии в фигуры?

Семинар поэзии

Руководитель —

*Евгений Петрович Чепурных (г. Самара) ;
ассистенты:*

*Павел Александрович Загаринский (г. Самара),
Софья Сергеевна Сыромятникова (г. Самара),
Шевченко Вячеслав Викторович (г. Пермь)*

Маргарита Антонова

г. Саратов

* * *

Мой экипаж, отплывающий от причала.
Здесь задержавшись на много и много лет,
Боже, я, кажется, очень давно молчала.
Я теперь не боюсь побед.

Слово летит за мыслью в другие дали,
Мысль обретает слово в любой момент.
Глупо мне было ездить на переправе,
Если давали лодку да с моряками.
Если давали парусник на уик-энд.

Связка дурных и пошлых воспоминаний
Тянет корабль к искрящемуся дну.
А для меня ошибки, считай, что знамя —
Я их особо признательно берегу.

Прошлое — чтить. Со всеми его грехами,
Всеми разворошёнными потрохами,
Музыкой, что играла всегда минор.
Новая пристань с новыми берегами.
Море брезгливо плещется под ногами,
Чтоб рассказать, что жизнь — бесконечный вздор.

* * *

Новый день, новый сон на смену —
Вот и стало немного легче.
Однотонность ушла, из плена
Встрепенулися бойко плечи.

Ничего не тревожит больше:
Ни слова, ни пустые лица.
Всё проходит, о Боже, Отче,
Забываются все страницы.

Небо ясное, небо синее,
Колоколен осенний звон.
Поднебесного следа линия,
Тихий ветер и сердца стон.

* * *

Как жалко, что большего не дано:
Ты плачешь от частых истин.
Пока не уложат в массивный гроб,
Люби до потери жизни.

А что есть любовь?
Лишь надежды дрожь,

Лишь смутная горечь твоих трудов,
Лишь ветер.

Держись, это грубая кожа тел!
Не жди ничего, никому не верь
На свете.

* * *

Из последнего вздоха осени, отгремевшей
шестнадцать раз,
Окунуться теперь в абсолютную глубину:
Столько дружбы и столько памяти напоказ,
А на деле же обнаружить себя одну.

Порываясь в небо, синичек всех распустить.
Распроставшись с детством, играть теперь
лишь словами.
Если любишь, обязан помнить, не отпуская,
А не помнишь — уже перестал любить.

Елена Борzych

г. Саратов

Антипод

...по мотивам Иосифа Бродского

Не под лазурным небом. Под
Высоким потолком общаги —
Толпы безумный антипод,
Давись хандрой! Развешай флаги
Бессилья — белое бельё...
Замри, а в зеркало любуйся,
Как рыбка долбится об лёд!
Смакуй подробности конвульсий...
Не покажи отсюда нос,
Забрось работу, будь мудрее.
В тридцатиградусный мороз
Ошпарь хребет о батарею!
Ты не под крышей дома — под
Бездонной крышей мира, право!
Разбавь писательский бомонд
Дождями слёз, тоски отравой...
Сползай же по полу рекой!
И, лихорадя до кощунства,
Махни слабеющей рукой

И сборник Бродского нащупай.
 Из комнаты не выходи, пока
 Не дочитаешь. Что есть силы...
 Когда последняя строка
 Отпустит горе...
 Отпустило?

Снегири

Прошлой зимой я хотела за город сбежать,
 Выбрать из станций — задумчивые Снегири.
 Где бы смогла просыпаться, легка и свежа,
 И умываться лучами морозной зари.

Где разучилась бы плакать, дрожать, погибать
 И отпустила бы прежнюю грусть колесом.
 Чтоб, выходя на перрон, ощущать благодать,
 Чтобы дышать глубиной подмосковных лесов.

Чтоб с электрички спешить в этот маленький дом —
 Дом с нахлобученной шапкою чистых снегов.
 Каждую мелочь наполнить сердечным теплом,
 Чтобы хотелось гостям возвращаться в него.

Каждую радость, как воду, испить из горсти.
 Где бы оставить тебе запасные ключи?..
 Прошлой зимой я хотела с ума не сойти.
 И в Снегирях беспокойную душу лечить.

Переделкино

Отсюда даже электрички
 Отходят без свистка, неслышно,
 Где встретит щебетанье птичье
 И переделкинские крыши.

Здесь тихо не по-городскому
 И всё вокруг не спит, а дремлет...

И трепетно, как у иконы,
Здесь ветки кланяются в землю.

А воздух, где скрипят ворота,
Натянут, как меха баяна.
Как будто ищет всё кого-то
Тот гармонист в кустах багряных...

Как будто сам себя в потёмки
Загнал, — когда уже заметишь,
Что ты один во всём посёлке!
И, как всегда, один на свете...

Душа замечется в печали,
Устав от собственных пожаров.
И, словно к берегу, причалит,
К крылечку дома Окуджавы,

К уюту маленькой гостиной,
Где «сердце на любовь настроим»
Негромкой песенкой, недлинной,
Журчанием гитары стройной...

И это всё — деревьев, крыши,
Крыльца и неба музыкальность!
...Ах, электричка, ты потише
Обратно отвози, в реальность.

Подмосковное лето

У меня под окошками — зелень.
И деревья пышнее московских.
Голубки на карнизах глазеют,
И кружатся стрижей отголоски.

А в квартире — безропотно пусто.
Суета, маета, беспросветно...
Но в груди прорывается чувство:
У меня за окошками — лето!

У меня за окошками — небо
 И твоё, подмосковное лето...
 Мне опомниться надо во сне бы,
 Чтоб проснуться, любовью одетой.

Только вновь пробуждаюсь в тревоге:
 Что опять без меня там творится,
 За окошком? Где дней колесницы
 Непрерывно уходят в дорогу.

* * *

Если когда-нибудь память отнимут,
 Вытавив, выбросив имя твоё,
 Что даже самый родной фотоснимок —
 Снимок улыбки, рождённой вдвоём,

Не всколыхнёт, не прожжёт, не задушит,
 Значит, и впрямь в голове произвол...
 Ветер в пустыне. Бесчувствия пустошь.
 Я без тебя — словно море без волн.

Я без тебя — словно солнце без неба,
 Словно потушенной жизни зола...
 Если наврут, что ты в принципе не был,
 Значит, и я — никогда — не была!

Дмитрий Вилков

г. Нижний Новгород

* * *

Вначале была метель...

Г. Газданов

Вокруг метель. Вокруг весь мир течёт,
Меняется однообразно, вечно.
Земля, снежинкам потерявши счёт,
Кружится, ищет путь свой Млечный,

Путь среди звёзд. Она сейчас чужда,
Исчезли на лету в тумане белом
Её моря, дороги, города,
Потеряны во мгле твои пределы,

Потеряны, слились... Найти нельзя
Тебе — меня за этой пылью снежной...
Но новый мир, взвиваясь и скользя,
Свежеет, повстречав надежду.

* * *

Встречай, разлучающий Курский:
 Ступени бегут, как тогда, —
 Былое — двойник самодурский,
 Швыряющий в ночь поезда,
 Ну сколько тебе повторяться,
 Теряя ладони платформ?
 Прибытие ровно в двенадцать,
 А сердце — звезда, семафор.
 Ты тянешь, качая, составы,
 И ночь — океан, корабли,
 И где-то виднеется справа,
 В окне, свет безгрешной земли.
 Его темнота окружила,
 Но ты в нём сияешь. Лети!
 Пусть стонут и рельсы, и жилы —
 Судьба на четвёртом пути.

* * *

Программы, искрясь, превращаются в числа,
 И крик тепловоза коверкает тьму,
 Пока между нами вся жизнь не зависла,
 Невнятная тайна, письмо никому!

Ты, мой адресат, обернёшься оркестром,
 Прощанье славянки, закат, как павлин,
 Прощание вслед за последним семестром,
 И падает сердце, как тот цеппелин.

Мы снова сближаемся, гул парохода.
 Затем, чтоб расстаться, бумажный комок.
 И Крым исчезает, но плещет свобода,
 И где-то волна обнимает песок.

Чехову

Когда сей рассказ задымится со дна
(Огонь, подсознания застрехи) —
Из леса выходит она не одна,
Фитиль — уверенность в успехе.
И снова тот август, столетний уклад
Укатится с плеч метеором,
Течение трав, и темнеющий сад
С веранды разъят разговором,
А в чашках заварен осенний настой,
Всё в мире готово для пьесы,
Свет лампы целует кустарник густой,
И ночь возвращается к лесу.
Но, впрочем, вокруг не бывало реки,
Наглядного времени гимна.
Но оба вели по ночам дневники,
И снились столетье взаимно.

Сентябрьское

Окраина города. Западный ветер.
Авария, в щёку врезается лист.
Просторный и чёрный сентябрьский вечер.
Другую подставишь — ты евангелист.

Дороги усыпаны пятнами. Лисий
Ложится на стены крадущийся свет,
От козней теней ты вполне независим,
А там — Куликово. А ты — Пересвет.

Сквозят в этом ветре червлёные стяги.
К заутрене стихнет и станет туман.
Берёзовый трепет, как шелест бумаги,
И кровью твоей переписан роман.

* * *

Акация в сердце, и по переходу
июль достигает двойной полосы.
под пальцами липнет и тает свобода,
а осень взглянула уже на часы.

И всё, что осталось нам, перебегая:
подумаешь, лишь календарная дрожь
и трепет. Его не увидит другая,
Как юность, её не заметишь. Но ждѐшь.

* * *

Ты приходишь, как осень, как пламя,
Разрывая листы на лету,
Твои волосы прямо над нами
На изогнутом метромосту,
Ты проносишься вихрем состава,
Поцелуй твой в вагоне — печать,
А в подъезде квартира направо,
Где ещё меня можно встречать.
Наступаешь, подобно июлю,
Вечным летом, где я старожил.
Серебристую поезда пулю,
Сны и смерти — я всё пережил,
Даже каждый безумный экзамен,
Рук сцепленье в морозный туман,
Храм Спасителя над образами —
Не написанный Кафкой роман.

Александра Попова

г. Самара

Воспоминания

Такая неброская смерть, плоская.
Набросками
Рисую не алюминий, не медь,
Ведь
Не цинк, это точно.
Сочно
Цепляюсь за людей склочных,
Точно
Не зная, что у них за плечами.
Ночами
Распластаюсь на блеклой траве.
Во мне,
Пластами сдирая спесь и совесть,
Повесть,
Законченная в рыхлом блокноте.
Лжёте,
Вы лжёте, а я так чиста и пуста,
Красота,
Увядающая в канистре бензина,
Корзина

С фруктами, а может, с ядом.
 Взглядом
 Провожая стены и окна.
 Мокро
 В одном списке с опиумом
 Без всякого смысла.
 Быстро
 Проходят будни и выходные.
 «Родные» —
 Такое странное слово...
 Снова
 Изображу принадлежность.
 Небрежность —
 Вот что я такое.
 Смешное
 Окончание глупой пьесы,
 Месса
 Среди чужих единоверцев.
 Дверца
 Скригнула и слетела с петель,
 Метель
 Кончилась, как и моя душа.
 Ножа...
 И лежать, не дыша.

Мой мир

Я, наверное, часто живу фантазией,
 В голове целый мир из счастливого сна.
 Там нет старости, боли и безобразия,
 После осени сразу идёт весна.

Там живу в лучшем месте, которое знаю,
 Этот дом, сохранивший года перемен.
 Я в сених его худшие дни забываю,
 Наслаждаясь родной теплотой старых стен.

В этом мире мой друг с чувством бьёт по гитаре,
Хриплым голосом всё напевая слова.
Моя мать с сигаретой в руке замирает,
Чтоб сказать, где она эти годы была.

Моя бабушка возится с белым халатом,
Ну а дедушка строит маршруты для нас.
Тот, кто братом мне был, — остаётся братом,
Тот, кто был ближе всех, — близок и сейчас.

В моём мире никто не погиб и не сгинул,
Не ушёл и не бросил свой груз ко дну.
В моём мире тогда лишь я вас покину,
Когда память оставит меня.
Одну.

Блик

В забрызганный потёртый потолок,
Стирая дни, зачёркивая ночь,
Распластанные руки по кровати
Сливались то ладью, то в замок,
Забыв о социальной роли «дочь»,
Сказав себе, что времени не хватает.

Остались лишь соцветья, всё ушло,
Взрывая и мешая расстоянья,
Развёрнутые руки смотрят вверх,
Не зная, что на них тогда нашло,
Меняют место лжи и обитанья
Под занавес, и свет за миг померк.

Я собирала её по частям.
Я собирала её по частям:
Тонкие руки, что любят купюры,
Милость улыбки, что дарят гостям,
Лоск и циничность её природы.

Я собирала её по кускам:
 Пазл на щёку, где будет ямка,
 Шрам на колене, на пальце шрам,
 Чтоб по приметам поймать беглянку.

Я собирала её по частям:
 Каплю в глаза зелёного чая,
 Ребристость убогую — ломким ногтям,
 Сердцу — покой и крупицу печали.

Но без инструкции я собрала,
 Лишних деталей осталось много.
 Неудивительно, что она
 Может сбежать, увидав дорогу.

Александр Цыганков

г. Самара

«2700 °K»

Дни сшиты по шаблону эпизодами ситкома,
Каплями стекаясь в монотонные сезоны,
Лишь раз в год кидают торт в лицо, как клоуну,
В попытках всё попробовать скатился по наклонной,

Плёлся в хвосте, меняя на ходу иконы,
Бредя не по дороге, а вдоль русла Рубикона.
Шаг в сторону хребет ломает догмам и канонам
Все вон из головы: теперь я плёнку экономлю.

Принял, как стойк, вакуум новых настроек,
На фатум не стал спускать псов свору,
За борт апостолов, сжечь постеры героев.
Неприступный кокон, защищённый от всего живого.

Лезвие рассвета снова вскрыет красным день.
В палатах лазарета сегодня без потерь,
Но лезут, пробиваясь всё ближе к своей цели,
Назойливые змеи с одной простой идеей:

Запри свою тень под тёплый свет ламп,
 Под сладкий смрад, который дарит твой хлам,
 Под тяжесть своих девиантных дхарм.
 Запрись и не открывай волкам.

Боюсь волн, но в венах кипит океан.
 Смолой на ладонях остывают желания.
 Порезы в блокноте — слова на руках,
 Под влажными пальцами смерть моментального...

«5X4»

Вот твоя новая роль.
 Располагайся, привыкай, разводи огонь.
 Это ты о ком? Ну да, он.
 Эй! Я тут ни при чём, так что следи за языком.

Светит монитор ярким пятном на весь бетонный
 кораб.

Это притон для миллионов мёртвых разговоров.
 Майка с принтом: верёвка, мыло, горы.
 На календаре всё тот же вторник, но год
 не перевёрнут.

Здесь сыро, будто в погребке. Пора взяться за голову.
 Посмотрим, что за повод породил это болото.
 Не вышло в лоб, пойдём в обход. Нас к этому
 готовили.

И наскоро, путём проб, ступаю по приборам.
 Обломки бортового самописца скрывает морок.
 В этой копилке я не один, таких здесь ворох.
 От ужаса мне туже кислород тут же сжимает ворот.
 Промок порох. Погас свет монитора.

* * *

Безвылазно в комнате 5 на 4.
Из мебели здесь лишь табурет,
А на окне гуашь и чернила,
Чтобы в глаза не бил яркий свет.

Проснувшись в комнате 5 на 4,
Сдёрнув вуаль с запечатанных глаз,
Смыв табуретом гуашь и чернила,
Воздух живой пустил на шабаш.

* * *

Лавкрафт сравнил скромность и эгоцентризм, метко
Я порубил труды Коперника в щепки.
Хэштег отшельник. Здесь тебе не скажут welcome,
Но и не поставят метку, взглянув мельком,
Стоя на мели, понимаю,
что в себя не перелить это море бескрайнее.
Во сне я повелитель стихии. Но, как видите сами,
Наяву всё растает, и в остатке бездарность,
Днями обрастая, всё меньше в глазах блеска.
Строю замки из песка, а ровесники — дуплексы.
Как потерянный, искал то ли escape, то ли exit,
Пока плесени инъекция всё не свела к рефлексии.

Брось на весы,
а я выпаду снегом под колёса машин.
Мародёры и нищие по слову растащат вирши.
Чем овощем гнить, уж лучше стать пищей.

Олеся Чеганова

г. Самара

* * *

Человек человеку — парус.
 И, если можно,
 Я сегодня с тобой останусь
 На время бури.
 Я тебе покажу,
 Где течение слабже,
 Попутней ветер.
 Научу не бояться воплей,
 Плывущих рядом.
 Буду крепче стали, плотнее латекса.
 Удержу тебя и на сушу верну
 Живого.
 Я согласна даже в конце почти
 разотканеться,
 Лишь бы видеть, что ты очнулся совсем
 Здоровым.
 Человек человеку — парус.
 И, если хочешь,
 Оставайся и дальше верным моим
 Матросом.

Оставайся и вырастешь
В капитаны,
А я, быть может, птицей твоею
Стану...
Вместе решим, каким будет
Новый
Курс...
Человек человеку — парус.
Не груз.

* * *

Маятник из стороны в сторону —
Раз, два.
Вспомнить, как в детстве сбегал со своего двора
И не слышал, как мама зовёт домой.
Вспомнить, как волна за волной
Шумит прибой,
Как шипит, растворяясь, морская пена.
Как несёт чемоданы большой, зелёный
крокодил Гена,

А Шарик мечтает о собственном фото-ружье.
Минуты, и правда, медленно плывут вдаль
И исчезают где-то за горизонтом.
Внутри никто взрослым, на самом деле, не стал,
И это уже аксиома, а не гипотеза.
Маятник из стороны в сторону —
Раз, два.
Прошлое, мне за тебя не стыдно.
Вырос, окреп, но помнить не перестал.
И за каждый момент теперь говорю
Спасибо.

* * *

Ненависть тоже способна иметь успех,
И хладнокровность, бывает, приносит пользу.
Смотреть на вещи бесчувственно вовсе не грех —
Кто-то любит, а кто-то срывает розы.

Если бы каждый боялся шипов судьбы
И думал о том, что скажет иной прохожий,
Кто бы тогда в самом огне борьбы
Орал на людей, чтобы те были осторожней.

Кто бы тогда, ничего тебе не обещая,
Выполнил просьбу сначала и до конца,
Кто бы не требовал рая, не жаловал рая
Лишь потому, что в аду над тобой нет кольца.

Кто бы умел одним словом тебя задеть
Так, чтобы ты раздражён стал и стал разгневан,
Ибо тому, кто любит себя жалеть
Будут открыты в пути только самые лёгкие двери.

Циники, социопаты и дикари
Жутко несносны для тех, кто не терпит правды.
Но стоит признать, что в труднейшие жизни дни
Как раз такие оказываются правы.

И если вы взялись судить бессердечность их,
То не забудьте, что вы сейчас так беспечны
Лишь потому, что хватает ума у них,
Сидя в вашей тени, быть неистово человечными.

* * *

А они говорят, говорят, говорят.
Обсуждают покупки, работу, любимых.
В каждой букве их яд, в каждом слове обман.
И в глазах пустота синевато-невинных.
И болит голова, и врезается крик, застревая
в гортани, он режет твой голос.
Ты ещё среди них, но куда-то пропал.
В естестве молчаливом невидим.
У тебя никого, даже стен разбудить твоего не хватает
размаха.
В дом приходишь пустой и выходишь пустой,
пустотою объята рубаха.
На другой стороне этих рваных дорог тебя некому
ждать.
Ты не нужен.
И всегда «почему» ударяет в висках, так наигранно,
так неуклюже.
Ты бы мог стать похожим на этих людей,
Говорить об одежде, еде и соседях.
И тогда в этой мирной такой суете ты бы стал
неприменно заметен.
Но не станешь. И пусть
Говорят, говорят. Пусть тебе остаётся проглатывать
фразы.
Кто-то как-то сказал, что другие есть ад.
Кто-то как-то сказал и был правым.

* * *

Капитан!
Горизонт абсолютно чист,
И попутен пытливый ветер.
Будет долог путь и до звёзд — тернист.
Но иначе не стоило плыть.

Капитан!
 Попугай улетел домой.
 Говорил, его брать не стоит.
 Только слушать кому-то дано прибор,
 Встречи мало кто с ним достоин.
 Паруса наверх, якорь в отпуске.
 Солнце бережно греет кожу.
 Небо штурмуют белые полосы,
 Небо солёное тоже.
 Капитан!
 Ничего не случилось, нет.
 Только курс мы держим — куда?
 Так давно плывём и за краем — свет,
 А до края — одна вода.
 Капитан!
 Послышалось вдалеке.
 Капитан!
 Отдаётся эхом.
 Так корабль плыл сотню долгих лет
 На борту лишь с одним
 Человеком.

Иван Широбоков

г. Самара

* * *

Принимай мою лодку, изрезанный грот.
Я приплыл от каменьев, что в мой огород
Ежечасно кидает озлобленный люд.
Даже птицы у дома молчат — не поют,

Будто в сговоре с сворою злобных сердец
В близлежащем скворечнике каждый птенец.
Принимай меня, глушь, в своём своде лесном.
Мне приятнее звери. Я чую свой дом

В каждом шорохе, шёпоте нежной листвы.
Моя обувь — ковёр низкорослой травы,
Мой покров — лист осин, чёрно-белых берёз.
Будто я тут родился, родился и рос,

Будто с детства бродил, посыпая песком
Волчий след, прямо по лозняку, напролом,
И молчал, чуть заслышав, как где-то вдали
От охотников в небо летят журавли.

Принимай меня, околосоказочный лес.
 Я нигде ещё не был силён так, как здесь.
 Стал сильнее от запаха трав и осин,
 Стал сильнее,
 Оставшись
 Один.

* * *

В городе, знаешь ли,
 Теряешься ещё больше:
 Чем больше вокруг людей,
 Тем больше ты одинок, независим и нелюдим.

Хочется выйти куда-нибудь
 На главную площадь
 И крикнуть в голос:
 «Ваш Бог?! Да чёрт бы с каждым из вас и с ним!

С каждым полубогом,
 Архангелом,
 Ангелом,
 Пророком
 И великомучеником святым!

На него я насмотрелся.
 Он есть.
 Покажите мне человека,
 Чтобы мне захотелось
 Быть для него живым».

* * *

Стрелки часов без стрелка не стрелы,
Взять бы колчан под них.
Мажу, как киплингowskiй Акела.
Шум механизма стих.

Стих тоже стих. Струны звонко рвутся:
Перетянул, видать.
Музыка кончилась. Мне б проснуться.
Вечно пора вставать.

Двор за окном у кровати дышит
Солнцем через детей.
Я не полковник, но мне не пишут
Пару десятков дней.

Дни — как жевательная резинка
Вкуса ногтей руки.
Я что-то меньшее, чем песчинка...
Мне б от моей тоски

Шкаф передвинуть в окно. Разлить
Маслёнку на скользкий пол,
В зале уснуть кино.
Поставить в комнате частокол...

Стрелки часов без стрелка — не стрелы —
Мимо всегда летят. Или ржавеют.
Часы кукуют
13 раз подряд.

Семинар прозы

*Руководитель —
Александр Витальевич Громов (г. Самара);
ассистенты:
Владимир Иванович Плотников (г. Самара),
Кристина Игоревна Абрамичева (г. Уфа)*

Алина Гребешкова

г. Уфа

Бабайка

Рассказ

- Будешь себя плохо вести — Бабайка придёт и утащит тебя. Не ходи туда: там Бабайка живёт. У-у-у, проказница!

Бабайка должен был прийти ночью и наказать за проступки, когда Полина заходила в дебри сна так глубоко, что зови не зови — не дозваться. По скрипучим половицам он прокрадывался к девочке и ждал. А Полина ждала его. Иногда она просыпалась ночью и, не открывая глаз, прислушивалась: на кухне громы-

хал холодильник, урчал и повизгивал. Где-то бродил толстый кот Васька. А Бабайка сидел, затаившись под кроватью, сгорбившись в три погибели, ждал, когда Полинка уснёт вновь. Существо скреблось, но стоило пошевелиться, как в тот же миг оно исчезало, убегало, улетучивалось, пропадало. Что именно делал Бабайка, девочка не знала, ей так и не получилось ни разу сцапать его. О присутствии в доме потустороннего напоминала то бабушка, то мама. А папа отшучивался: «Не учите ребёнка плохому. Ещё начнёт темноты бояться».

Темнота не страшила Полину. Как только приходила ночь, постукивая лунными лучами в закрытые шторы, девочка обходила все комнаты, пока родители не видели, заглядывала в каждый угол, ожидая встречи с тем загадочным существом, которое страшило, но было настолько желанным гостем, насколько часто о нём упоминали.

— Мама, а ты когда-нибудь видела Бабайку? Как я узнаю, когда он придёт, что это именно он?

— Спи, Полинка, опять тебе бабуся ерунду наговорила. Бабайка — это сказка, понимаешь? Им пугают непослушных деток. А ты у нас, во-первых, девочка хорошая. А во-вторых, это всё выдумки.

«Почему мама не хочет про него рассказывать? Может, она на него обиделась? Как и я, ждала его, а он не пришёл?» Пятилетняя девочка знала, что у Бабайки где-то есть семья и поэтому он не может навещать её каждую ночь. В садике она спросила у товарищей, видели ли они Бабайку. Никитка помолчал, затем достал козьявку и начал её многозначительно жевать: «Нет, не видел. Но баба Клава говорит, что он живёт под кроватью, где и Волчок. Когда я разбил её кружку, она сказала, что этой ночью Бабайка обязательно придёт. Я не спал, а он не пришёл». Катька и Валька не видели его. А воспитательница, когда пришла мама Полины, подозвала её к себе и о чём-то долго шепталась, жестикуюлируя по-дирижёрски руками.

За ужином мама, наливая горячие разваристые щи, произнесла: «Полинка-Полинка, ты у нас такая фантазёрка». Папа оторвался от тарелки: «А что случилось-то?»

— Воспитательница говорит, что сегодня дочка наша весь садик на уши подняла. Всё расспрашивала о Бабайке. Я же говорю тебе, его не существует.

— А Дед Мороз?

— Дед Мороз существует: кто тебе подарки тогда дарит на праздник?

Мама была загнана в угол и оттуда уже, практически не сопротивляясь, произнесла: «Может, тогда и Бабайка есть».

— Шизофреника из ребёнка сделаете. Наташ, налей чай, пожалуйста.

А потом все пошли на каток. Полинка на миг забыла о своих вопросах. Снег заливисто скрипел под размашистым коньком, мама падала и смеялась, а папа угощал всех горячим чаем из термоса. И тут появился Бабайка: в сером старом полушубке, с белой бородой, он немного прихрамывал. Его глаза смотрели на мир без злости, с усталостью, быть может. Полина побежала к нему, поскользнулась, а когда поднялась на ноги, он куда-то исчез. От обиды горели щёки. На крик прибежала мама. Отряхнула Польшку, думая, что та сильно ударилась, начала осматривать её.

— Ушёл, ушёл. Я его ждала, а он убежал. У-у-у, Бабайка несчастный.

Уже ближе к семи годам она стала забывать про Бабайку. Вокруг появилось много интересностей, начались подготовительные курсы. Полина шла в первый класс. И тут случилось это. Приехали пахнущие больницей люди. Взвалили маму на носилки. В доме поселилась тишина. Целые сутки папа проводил у постели жены, а та таяла.

Как-то Полина подслушала разговор бабы Кати — маминой мамы — и папы. Чаще всего звучало слово рак. Полинка видела их, когда мама ещё не болела и

они ездили на речку загорать. И девочка соглашалась с бабушкой: та говорила, что это страшно. Ещё бы, такие монстры с клешнями! Без мамы дома было скучно. Полинка пробовала играть с ребятами на улице, но как-то не смеялось и не прыгалось без мамы.

В тот вечер к ней подошёл Никитка.

— Если бы моя мама умирала, я бы тут не бегал, а сидел с ней рядом. Твоя бабушка сказала моей, что твоей маме остался месяц.

— А потом?

— А потом её Бабайка, наверное, заберёт. Потому что ты плохо себя вела.

Перед глазами стоял туман из обиды и злости. Полина ударила Никитку, не разбирая куда, и в слезах бросилась домой.

Папа не поехал в больницу, а смотрел телевизор. Программы менялись одна за другой.

— Если бы твоя мама умирала, ты бы тут не сидел. Мне Никита всё сказал, а вы обманщики. Бабайка не стал бы её забирать, а если я виновата, почему меня не забирает?

На крик прибежала бабушка. Отец молчал, а лишь закрыл лицо руками, как будто укрываясь от криков дочки, как от пощёчин.

— Поля, Полечка, что же ты говоришь, маленькая моя? Ну что ты, девочка, не плачь, — бабушка притянула к себе Полинку и разрыдалась.

Это Бабайка забирает мам у детей, потому что очень скучает по своей.

Елена Леонтьева

г. Отрадный

Царь Джомолунгмы

Рассказ

Когда мы въехали в город, я спал. Мне ничего не снилось. Темнота. Водитель притормозил у заправки, обернулся ко мне и разбудил, дёрнув за рукав.

— Приехали? — я выглянул в окно в надежде, что мы уже рядом с нужным домом.

— Как поедем?

Водитель смотрит на меня и ждёт распоряжений. Хочет мне угодить. Ему кажется, что, вернувшись в родной город спустя 25 лет, я захочу увидеть улицы и дворы, школу, детский сад... и что там ещё связывает нас с прошлым? Люди? Я не стал объяснять, что у меня нет желания вспоминать город и тем более его обитателей.

— Самым коротким путём.

Машина тронулась с места. Наша поездка через город должна занять не больше 10 минут. В отличие от путешествия, которое растянулось на неделю, это

всего-то кроха во временном пространстве. Пытаясь отвлечься, я раскрываю журнал с кроссвордами, но воспоминания уже тащатся за машиной, врезаются в лобовое стекло, просачиваются с воздухом через открытые окна. Мой взгляд невольно тянется ко всему знакомому.

Мы выехали на центральную улицу мимо площади, на которой когда-то вместе с друзьями я катался на велосипеде. На высоком постаменте по-прежнему стоит дедушка Ленин с вытянутой рукой. Как и прежде, он указывает на здание городской администрации, как и прежде, голуби садятся на его лысую голову и на раскрытую ладонь, как и прежде, вокруг бегают дети, вытаптывая разноцветные клумбы.

Мы едем мимо аллеи, в центре которой раньше стояла «Звезда славы» — памятник погибшим в Афганистане ребятам. Машина притормозила на светофоре. Присмотрелся и увидел, что вместо двухметровой звезды, рядом с которой я, вытянувшись стрункой, когда-то изображал караульного, установлена плита с выбитыми словами:

**ВЕЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕРОЯМ,
ПАВШИМ ЗА СВОБОДУ НАШЕЙ СТРАНЫ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Плита больше походит на надгробие, чем на благодарность. Цветы возле неё увяли.

— Сверните на перекрёстке. Направо.

Мы выехали на улицу Быстрова. Я точно не помню, но, кажется, Быстров — первый мэр города. В любом случае он точно был ярким партийным деятелем. Улица короткая: 15 домов на каждой стороне. Среди пятиэтажек виден маленький сквер и памятник советскому солдату. Он стоит на прежнем месте в центре скверика. Одних город забыл, а чьи-то имена навечно застыли на указателях улиц. А я?

Долгие годы я отказывал себе в воспоминаниях. Чем больше времени проходило, тем лучше получалось забывать. Сейчас я смотрю в окна и чувствую,

как волна за волной на меня набегают тёплые чувства.

Вернулись на прежний маршрут. Проезжаем мимо заброшенного здания пожарного расчёта. Его так и не снесли. Мимо обнесённой высоким забором котельной. Мальчишкой я и мой друг Валя забирались на крыши гаражей и через забор сигали на мешки с солью, сложенные во дворе котельной. Мы не знали, зачем нужна соль, почему из огромных красных труб валит дым, мы ничего этого не знали, но нам было весело. Пока нас не поймали и не отвели в школу.

А вот и школа. Здание перекрасили, с одного боку пристроили крытый бассейн.

Учился я плохо. В школе важно было не попасться, когда вылезает из окна первого этажа в туалете, сбегая с уроков. Мы бы с лёгкостью вышли через центральный выход, так как охранник вечно паялился в телевизор, но побег через окно был особым ритуалом.

Я и Валька всегда попадали в разные неприятности. На большой перемене мы носились, как угорелые, по этажам, нас хватили за руки учителя и уборщицы и тащили к завучу. Там нас отчитывали, говорили, что мы бездари, заочно жалели родителей. В последнюю зиму, которую я проучился в этой школе, у нас появилось новое развлечение. После уроков мы играли в догонялки в школьной раздевалке. Там стояли высокие металлические стойки. Одежду вешали на верхние крюки, а мешки с обувью — на нижние. В один день Валька, удирая от меня, нагнулся и хотел проскочить под стойкой, но не вовремя повернул голову. Железный крюк распорол ему подбородок. Кровищи было много. Директор взвыла, когда увидела нас в медпункте. Тогда она сказала мне, чтобы я «пожалел мать» и исправил своё поведение, грозила детской комнатой милиции.

Мама воспитывала меня одна, но мне тогда было 8 лет, и я не понимал, что значит «жалеть мать», и как это связано с моим поведением.

В ту пору жизни мне и моим сверстникам казалось, что взрослые — «странные». Нам было интересно играть во дворе, им — ходить на работу. Я всегда хотел, чтобы мама не работала, чтобы она каждый день помогала мне делать уроки, жарила котлеты. Хотя среди моих друзей были и те, кто желал, чтобы родители не сидели дома. Брат и сестра Нестеровы всегда допоздна гуляли и, даже проголодавшись, не шли к себе. Их отец пил и не работал, а мать вкалывала день и ночь, была очень нервной и грубой женщиной.

Мы проехали больницу, церковь, построенную на месте овощехранилища, поворот на кладбище, вернулись на центральную улицу, которая так и называется — «Центральная». Вот и знакомый двор.

— Какой подъезд?

— Четвёртый. Третий этаж.

Двор сильно изменился. Вместо старой «ракеты» и кособокой горки установили красочные качели, песочницу, скамеечки, детский домик-беседку. Дорогу расширили. Из бельевой площадки сделали стоянку для машин.

В этом дворе я провёл счастливые августовские дни 1991 года. Когда страну трясло и корёжило, когда в Москве стрелялись высокопоставленные чиновники, мы играли в «стёклышки». Задача игры — утащить стекляшки из нарисованного на асфальте цветка. Украсть было непросто: их охранял «вышибала» с мячом.

У нас было много игр. Девочки любили классики, «магазин» и дочки-матери, прыгали через скакалку. Мальчики стреляли из рогаток, устраивали спортивные соревнования и военные марши. А все вместе мы играли в «море волнуется раз» и «казаки-разбойники», искали клады, ловили стрекоз и кузнечиков, зывали пиковую даму.

Что изменилось для нас в те годы? Валька стал угощать нас шоколадом и одеваться «модно», правда соседи называли его родителей «торгашами» и «во-

рюгами». Отец Нестеровых отравился палёной водкой и умер, отчего их мать сразу стала добрее.

Водитель помог мне выбраться из машины.

— Третий, — вздохнул он.

Мне стало стыдно. Мы провели вместе несколько суток. Он помогал и, главное, был неразговорчив, а я даже имени его не спросил.

За столько лет квартиранты ни разу не меняли замки. Воздух в квартире застоялся. Водитель открыл настежь окна, поставил на плиту чайник. В шкафчике нашлись заварка и сахар.

По моей просьбе водитель принялся осматривать квартиру. В столе испорченное дынное варенье, затверделые, покрытые плесенью сушки. В холодильнике одиноко стоит кастрюля со щами, отвратный запах которых не поддаётся описанию. Унитаз дал течь, а в комнате требуют замены батареи.

— Что будете делать с имуществом?

— Приватизирую и продам, — коротко ответил я.

— Мне надо гостиницу найти для ночёвки. И в магазин.

Я почти забыл эти стены. Но и теперь они давят на меня не меньше прежнего. Обои поменяли, на потолке другая люстра, но это те же стены и тот же низкий потолок. Под ним я провёл долгие 3 месяца. Чувовищно долгие.

— Я с вами.

У подъезда толпятся мальчишки. Перекидывают друг другу мяч.

— Димка, выходи! — закричал светловолосый.

— Я сейчас вместо Димки выйду! — грозно ответила ему женщина с балкона.

Я засмотрелся на них. На расстоянии от города я не понимал, что не он вызывает во мне желание потерять память. У меня были счастливые 8 лет детства. Наверное, от этих лет я не должен был отказываться. Тревожно, но я решаюсь увидеть ещё одно место.

Джомолунгма — так мы её называли. Большая насыпь земли на местном пустыре. Летом мы приезжали к ней на велосипедах, зимой — бежали сразу после школы. На перегонки взбирались наверх. Тот, кто оказывался на вершине первым, становился царём Джомолунгмы. Все ребята должны были весь вечер поклоняться царю — выполнять приказы и угощать вкусностями. Самым желанным всегда была жвачка от Вальки. Он ни разу не был царём Джомолунгмы и обижался, когда с него требовали именно резинку.

Сейчас наша гора не показалась мне высокой, но тогда, забравшись на трёхметровую высоту, мы чувствовали себя богами. Здесь мы давали клятвы в вечной дружбе, тут были тайники, тут плелись заговоры и интриги. Одним зимним вечером мы застали на своей горе старшеклассника. Он разжёл небольшой костёр и курил. Меня как самого смелого отправили на переговоры. Когда я забрался наверх, то молча сел напротив и уставился на огонь. Парень протянул мне сигарету. «Будешь?» Я кивнул. Взял сигаретку и чуть тронул её губами. Едкий дым защищал глаза. Я закашлялся и кинул её в костёр. Старшеклассник вскочил и с визгом: «Это была последняя» — перепрыгнул через огонь, и пнул меня под зад. Я кубарем скатился по отлогому снежному боку Джомолунгмы. Товарищи, не дожидаясь, пока я встану на ноги, кинулись врассыпную. Это было обиднее всего. Я целый час с ними не разговаривал. А с Валькой не разговаривал полтора часа. Всё-таки он был лучшим другом.

Когда старшеклассник ушёл, все хором признали меня царём Джомолунгмы. Валька подарил мне три жвачки, но я по-царски поделился со всеми. Каждому досталось — кто сколько откусил.

Ночью у меня поднялась температура. Мама передала в школу записку, оставила мне чёткие указания и ушла на работу. Это был сказочный день, когда можно было долго валяться в постели, лишняя съеденная

печенька не возбранялась, уроки могли подождать до вечера. После школы ко мне забежали ребята и сообщили, что новым царём стала Наташка. Очень боевая и задиристая. И раньше девчонки приходили на Джомолунгму, но чтоб царём...

Мы решили свергнуть Наташку немедленно, тем более что она уже потребовала жвачку, мармелад и десять самодельных сахарных петушков на ложках. Это был царский произвол. Но как только я накинул на плечи шубу, в дверях появилась мама. Так что свержение проходило без меня.

Мама запретила покидать квартиру. Я стал называть себя «пленником», «узником», «невольником». Мне моё положение нравилось, а маму раздражала игра в пленённого партизана. Но она всё равно сделала мне петушка на столовой ложке. Сосачка получилась с горчинкой, так как её немного передержали над огнём.

Мы уже двадцать минут сидим молча. Я смотрю на Джомолунгму, на её бока. Один бок пологий, заросший травой, другие — более крутые и лысые. Мы всегда взбирались по крутым бокам и считали уделом девчонок взбираться по пологому.

— Хотите? — спросил водитель.

Я не понял его. Он кивнул на насыпь. Хочу ли я вновь оказаться на вершине мира? Мы собирались назвать нашу гору Эверестом, но второе название знаменитой горы — Джомолунгма — нам понравилось больше. Причина крылась в том, что самый младший из ребят — Костик Петров — смешно коверкал это слово. Хочу ли я на Джомолунгму?

Я отрицательно покачал головой.

С трудом вспоминаю последний день, который провёл здесь. Я почти добрался до самого верха, когда с пологого края выскочил Валька. Он ликовал. Но, увидев меня, испугался. Ребята уже карабкались наверх, сопя, теряя шапки, запутываясь в шарфах. Наверное, никто бы не увидел, как Валя забрался по по-

логой стороне. Но я увидел. Он разозлился. И тогда-то всё кончилось... кончилось для меня.

Недели в больнице, месяцы дома. Душная комната, тяжесть потолка, серый рисунок на обоях, гнусавые звуки соседского магнитофона из-за стены. Слезы мамы. Она спала сидя на кровати, рядом со мной. Прибегала в обеденный перерыв, чтобы накормить и поменять бельё. Я видел, как страшно постарело её лицо, как она похудела. Перестала завивать волосы на пластмассовые бигуди. Но я мог только мычать. А от моего мычания ей становилось ещё хуже, поэтому я молчал.

Откуда взялся дядя Лёша, я узнал позже, когда научился говорить, а мои руки и тело до пояса начали мне подчиняться. Дядя Лёша был инженером и работал в нефтянке. Он женился на маме, усыновил меня и перевёз в Нижневартовск. Брак был фиктивным. На работе дяде Лёше, который периодически уходил в запой, поставили условие жениться.

Водитель внёс меня на руках. Молоденькая сотрудница изумлённо пялится несколько минут, прежде чем выдаёт ключи от комнат. Гостиницей это место сложно назвать. Похоже на общежитие. Но меня всё устраивает, даже то, что наволочка на подушке с заплатой.

* * *

Я поудобнее устроился в кресле, которое мой водитель аккуратно вкатил в машину. Его зовут Олег, он живёт в Москве и уже семь лет занимается перевозкой инвалидов. Ему впервые пришлось не только перевозить клиента, но и заботиться о нём долгое время. Буквально таскать на себе.

Мне хочется как можно скорее покинуть город, в котором чувствую себя маленьким и уязвимым. Я видел своих школьных товарищей, соседей, друзей. Они не узнавали меня. Я делал вид, что не узнаю их. Не хочу знать, как они выросли. Пусть навсегда останутся в моём счастливом детстве.

Мы выехали на трассу и притормозили, пропуская машины. Сбоку катится белая «десятка». За рулём Валька! С ним рядом кудрявая женщина. На заднем сидении двое детей. Мальчик играет на телефоне, а младшая девочка тычется носом в стекло. Малышка строит рожицы, смущённо прячет лицо в ладоши и отворачивается. Валька!

«Десятка» ускорилаь, обогнала и уехала далеко вперёд. У меня появилось желание догнать, остановить. Но что дальше? Я ведь так и не сказал никому, что это он толкнул меня с Джомолунгмы.

Анна Масленникова

г. Иркутск

Катя

Повесть

Похороны

В школе было непривычно тихо. Мальчишки не шумели. Девчонки перешёптывались. Учителя молчали. И все — плакали. Кто-то — тихо, украдкой. Кто-то — чуть всхлипывая. В голос рыдали только директриса и завуч.

Её фото висело на доске объявлений возле учительской с утра. Зелёные глаза, толстая коса на плече, нос в веснушках. И чёрная полоска — по диагонали.

«Ученица 10 А класса Екатерина Зайцева трагически ушла из жизни 20 мая». И пара искусственных гвоздик, приклеенных скотчем. Гвоздики она терпеть не могла, но какое это имело теперь значение.

На большой перемене всех собрали на линейку.

— У нас горе, — голос директрисы, обычно уверенный и сильный, сегодня дрожал. — Катя Зайцева по-

кончила с собой. Мы не будем искать виноватых. И не станем осуждать Катю. Хоть и понимаем — надеюсь, вы все понимаете, — выразительная пауза, — что это не выход. В жизни бывает всякое. Мы ссоримся с друзьями. Нас не понимают родители. Бывают проблемы в школе. Но это не выход. Нельзя так.

Директриса посмотрела на ребят. Молчали, уставившись в пол. Переваривали.

— Это большая утрата для всех нас. Катя была надеждой школы. Отличница, умница, талантливая девочка. Сегодня уроки закончим чуть раньше. Пойдём прощаться с Катей. Вынос в два часа, — и заплакала, достав из кармана пиджака синий платок в клетку.

В половине второго школьная толпа — с цветами и венками — собралась у ворот Катиного дома. Все они плакали — и мальчики, и девочки. Всем было жаль Катю. И всем было стыдно. И как они раньше не думали, что у этой отличницы, которую они дразнили «Ботаником», никогда не звали гулять, так может «стрельнуть».

А теперь её нет! И ничего не исправить! Она лежит вон в том красном ящичке под крышкой. И им больше не у кого будет списать домашку. И некого обозвать зубрилой. И все они обречены на вечные муки! Бесконечные страдания! Кошмарные сны!

...Катя лежала, уставившись в потолок, и представляла картину собственной смерти в подробностях, смакуя каждую деталь. До будильника оставалось ещё минут десять.

Она часто размышляла об этом. Сценарий был хорошо продуман. А останавливалась она всегда именно на этом моменте. Потому что дальше нужно было представлять убитую горем маму и поседевшего отца. А это было невыносимо. Потому что они всё-таки были не очень виноваты. Им, конечно, было мало дела до Кати и Катиных проблем, но их нельзя было наказывать своей смертью. А школу — можно. И нужно.

Мысли о самоубийстве постоянно занимали Катину голову. Она даже нашла в комнате, за шторкой, подходящий крюк — может, раньше на нём крепились трубы отопления? На нём можно было бы повеситься. Не факт, конечно, что он бы её выдержал (60 килограммов — шутка ли!), а пробовать Катя пока не решалась. Но от того, что он есть, этот крюк, было как-то спокойнее.

Утро

Будильник противно запиликал. Катя нажала на кнопку. Понедельник.

Мама уже хозяйничала на кухне, что-то напевая. Пахло яичницей. Мама всегда готовила на завтрак яичницу: её любил папа. Катя не любила, но ела тоже.

Бубнило радио. Дикторша неприятным старушачьим голосом зачитывала стихотворные поздравления и передавала музыкальные приветы по заявкам слушателей. Пугачёва, Агутин, Леонтьев...

Две алгебры, русский, физика, география, физкультура. Катя складывала учебники и сменку в рюкзак. Получилось довольно увесисто. Но она всегда носила все книги и тетради. Хоть и знала, что не для себя. Девочки снова не возьмут и будут просить. Конечно, какая физика поместится в такие сумочки, как у них. У Кати пенал больше!

— Ты встала?

— Да.

— Завтракать иди, — и — уже обращаясь к отцу: — Саша, вставай. Саша! На работу опоздаешь.

На часах было 7:15. Катя прекрасно знала, что будет дальше. Папа, конечно, не встанет. И мама снова пойдёт расталкивать его. Потом он наконец сядет на кровати и будет медленно-медленно надевать трико. Сначала одну штанину, потом — вторую. Все ещё не проснувшись до конца.

— Саша, ты правда опоздаешь!

Сценарий повторялся изо дня в день. По родителям можно было сверять часы. В 7:30, когда Катя обычно выходила из дома, папа уже окончательно просыпался и начинал бегать по дому в поисках носков, футболки и обвиняя маму в том, что она не разбудила его вовремя. Невыносимо.

— Я пошла.

— Ни пуха ни пера!

— К чёрту!

И правда — к чёрту всех их. Господи, как же всё достало! Господи? Вот так оговорочка. Господи... Нет никакого «Господи». Катя была убеждённой атеисткой, как и многие в 15 лет.

Жить и радоваться

Утро было свежее, солнечное, ясное. Совсем не подходящее под Катину настроенность.

Поздней весной в посёлке Жилкино, где жила Катя, было очень хорошо. Пахло соснами, сочными листочками берёз и черёмух, тёплой землёй. И свежей краской: в майские праздники многие выкрасили штaketники и наличники.

Май кричал: надо жить, надо радоваться. А Кате не хотелось ни жить, ни радоваться.

Она не нравилась мальчикам (кому нравятся толстые зануды с прыщавым лицом и брекетами!). Её не любили одноклассники (потому что она хорошо училась и была любимицей учителей). А она ненавидела себя — и это было страшнее — за то, что не может дать отпор, за то, что помогает всем этим недоумкам с домашкой, за то, что зубрит дурацкие школьные предметы не потому, что ей это нужно, а потому, что этого ждут учителя (как же! Надежда школы, будущая золотая медаль!). И главное — за то, что она такая ничья, никому не нужная, непонятно зачем родившаяся, несчастная и одинокая.

Мальчики, дискотеки, красивые шмотки — всего этого ей и хотелось (чем она хуже?!), и не хотелось

(она выше этого! Важнее — внутренний мир!). Ко всему этому она и стремилась, и отталкивала это как чужое, несвойственное, ненужное.

Она не знала, что делать. Читала Маяковского («Не поставить ли лучше точку пули в своём конце?»), много думала, часто плакала и надеялась, что когда-то всё изменится. И будет и добрая фея с тыквой-каретой, и призвание, и признание, и принц на коне, и всё прочее.

Принцем должен был быть непременно Серёжка, её одноклассник. Отпетый хулиган и задира. Катя была влюблена в него с шестого класса и ждала, что однажды — когда она постройнеет, исправит кривые зубы и купит модное платье — он наконец-то поймёт, до чего она прекрасна. И примчится — пусть не на коне, пусть пешком. И будут они жить долго и счастливо, и умрут в один день.

Катя улыбнулась своим фантазиям: опять мечтаешь, дура! И зашла в школу.

До звонка на первый урок оставалось 5 минут. Сдав куртку в гардероб, Катя прошла в класс и села за свою парту — третью в среднем ряду.

— Здорово, ботаник! — сосед по парте Максим был явно рад её видеть. — Не смотриии, не смотри ты по сторонаам, оставайся такой, как ееесть, оставайся сама собоооой...

С тех пор как Катя надела брекеты, Макс любил исполнять для неё этот хит из сериала про Катю Пушкарёву. Под общий хохот мальчишек и кривые ухмылки девчонок. Девочки обычно не смеялись открыто. Они знали, что Катя им ещё пригодится. И с домашкой, и с контрольными.

— Катя, а у вас же два учебника, дай свой!

Да, и с учебниками тоже. Катя была нужным человеком. Её надо было немножко беречь.

Копилочка

Понедельник поначалу был вполне обычным школьным днём. На алгебре решали системные урав-

нения, на русском писали диктант за четверть, на физике слушали очередную нудную лекцию. То есть это Катя пыталась слушать — потому что никогда не понимала эту науку и могла взять её только тупой зубрёжкой, — а весь класс занимался своими делами. Тамару Петровну это, похоже, заботило мало. Кому надо — тот услышит: такой у неё был подход.

После физики все помчались в школьную столовую. На большой перемене нужно было успеть поесть и обсудить последние сплетни.

Катя в столовую не ходила. Еда забивалась под брекеты — не носить же с собой в школу зубные щётки (их было целых три штуки!). Она знала, что желудок будет возмущаться и на географии — в полной тишине — заурчит во всеуслышание. Но этот позор был меньшим злом по сравнению с прилипшей к брекетам картошкой. Поэтому она сидела в кабинете и смотрела на политическую и физическую карты мира, не имея ни малейшего представления о том, к чему готовиться. Вера Михайловна, географичка, могла спросить что угодно.

После звонка она появилась в дверях кабинета: сначала большая высокая грудь, а потом всё остальное. И закрыла дверь на ключ изнутри. Кто не успел — тот опоздал. А кто опоздал — тому не поздоровится. Вера Михайловна держала класс в ежовых рукавицах. Не знать географию — непростительно. Таким было её мнение. А других она не признавала.

Урок географии был 40-минутной пыткой для всего класса. Вера Михайловна рассказывала новую тему, но в любой момент могла вдруг остановиться и передать указку:

— Чернов, покажи Алжир, Чад и Боливию.

Или — ни с того ни с сего обратиться к классу:

— В какое море впадает Лена? Высота Эвереста?

Место России по численности населения?

За правильные ответы Вера Михайловна ставила мелом чёрточки на партах. Получив три штуки, мож-

но было выдохнуть: пятёрка. Тем же, чьи парты были девственно чисты к концу урока, предстояло объяснить родителям, за что им вlepили очередной «неуд» по географии.

За десять минут до конца урока Катя наконец-то получила спасительную третью чётточку. В животе урчало. В голове шумело от волнения: география была стрессом. Синдром отличницы не позволял получить меньше трёх баллов за урок, но добыча их была настоящим испытанием.

— В следующий раз принесите контурные карты, будет зачётная работа, — сказала Вера Михайловна, когда прозвенел звонок. Не спеша, гордо неся перед собой грудь, она прошествовала к двери и повернула ключ. 10 А мог выйти на свободу.

Кате предстояло последнее на сегодня испытание — урок физкультуры. Она ненавидела бегать, прыгать и играть в командные игры. Она с трудом сдавала нужные нормативы, а учитель — Юрий Петрович — под давлением завуча и директора натягивал ей пятёрки за четверть (иначе какая золотая медаль!). Всем было ясно, что Катя не заслуживает и четвёрки. Одноклассники смеялись над её «спортивными рекордами» и советовали «поменьше жрать».

Катя комплексовала из-за своей фигуры. Она не была очень толстой (хотя ей, конечно, казалось именно так), но попа была тяжеловата, грудь — плосковата, а живот собирался в складки. «Хорошего человека должно быть много», — утешала по вечерам мама, накладывая полную тарелку пюре и котлет. Но Катя и хорошим человеком-то себя назвать не могла.

В ужасном настроении она поплелась в раздевалку. Переодеваться на виду у девчонок ей тоже не нравилось. Одноклассницы носили красивое бельё, обсуждали, у кого какой размер, и с каким пуш-апом не слишком жарко бегать. Катя носила обычный лифчик без всяких поролонов и трусики в цветочек. Такие ей

покупала мама. Говорить маме, что ей, Кате, хочется трусики с кружевами, было стыдно. Лучше было перетерпеть улыбки одноклассниц.

— Девчата, сегодня на улицу заниматься не пойдем, будем в зале, — Юрий Петрович заглянул в раздевалку, украдкой посмотрев на полуголых девиц.

— Ладно! Дверь-то закройте!

Класс выстроился в спортзале. Катя стояла первой среди девочек. Она была не только самой пухленькой в классе, но и самой высокой. Длинная, дылда, машина-убийца — прозвищ у неё было немало, — Катя знала о них, но старалась не реагировать.

— Побежали по кругу. Разминайтесь хорошенько. Сегодня через козла прыгать будем.

— Димка, через тебя прыгать будем, слышал?

— Эй! Ты офигел?

— Разговорчики отставить. Бежим задом наперёд.

Катя бежала, спотыкаясь, и с ужасом думала о козле. И, как оказалось, не зря думала.

Мальчишки довольно быстро справились с задачей. Прыгали высоко, ноги раздвигали широко. На сильных руках легко перелетали через козла.

Катя была первой в очереди девочек (проклятый рост!).

Она знала, что не перепрыгнет. Что даже не стоит пытаться. Но побежала, конечно. Других вариантов не было. Побежала, оперлась руками на козла, раздвинула в полёте ноги и зацепилась носками кроссовок за снаряд. Кувыркнулась вперед, ударилась головой о мат.

— Давай, Зайцева, пробуй ещё! — Юрий Петрович пытался подбодрить Катю.

Было обидно. Хотелось убежать, закричать, заплакать. Хотелось бить этого козла кулаками, пинать. Много чего хотелось. Но надо было вернуться на старт и повторить процедуру.

Катя разбежалась, оттолкнулась и — снова зацепилась ногами. Повисла на козле кверху попой.

— Катька, а из тебя получилась бы славная копилочка! — прокомментировал Максим.

Копилочка. Да, конечно, что ещё! Разумеется, копилочка. Большая круглая копилочка для больших круглых монеток.

Класс дружно загоготал.

Катя слезла с козла и проглотила набежавшие было слёзы. Да, она может позволить им смеяться и издеваться над собой. Но никаких слёз, сцен, истерик. Этого они не дождутся, хоть и мечтают.

— Спасибо, Максим, — и села на скамейку.

— Хорош гоготать. Продолжаем! Михайлова, прыгай давай. Развели тут балаган.

Юрию Петровичу было не позавидовать. Катя Зайцева не сможет одолеть этого козла: очевидно. А двойку поставить никак нельзя. Конец учебного года не за горами. У отличницы не может быть тройки за четверть. Она же надежда школы. Неужели какой-то злополучный козёл может всё испортить.

— Реферат напишешь, чтобы пересдать, — сказал он ей после урока.

Чужая

Катя шла домой, обдумывая события дня. В нём не было ничего особенно трагичного. Так — с насмешками и подколами одноклассников — она жила уже давно. Знала, что палку они перегибать не станут: нужно же, чтобы кто-то подсказывал правильные ответы на контрольных.

— Копилочка! — вспомнила она и усмехнулась.

Чужой в классе Катя чувствовала себя ещё с начальной школы. Она не испытывала большой потребности в общении с одноклассниками и предпочитала на перемене почитать какую-нибудь книжку (про Элли и Тотошку или про Пеппи Длинныйчулок) вместо того, чтобы наряжать кукол, прыгать через резиночку или убежать, вереща, от мальчишек. Не то чтобы она презирала эти виды досуга. Просто читать

было правда интереснее. Ребята относились к этому спокойно и Катю не трогали.

Изменилось всё с переходом в среднюю школу. Учителей стало много. И все они — вот ведь незадача! — полюбили Катю Зайцеву. Они ставили ей пятёрки и без конца приводили её в пример.

Но это — полбеды. Образ одноклассницы-отличницы преследовал ребят и дома: «Совсем не стараешься! Ты же не хуже Зайцевой!», «Катя вон какая умница, а ты лентяй!», «Опять двойка? Сколько можно! Снова на собрании выслушивать! Маме Кати Зайцевой не приходится так краснеть!»

Конечно, они её возненавидели, и Катя с понижением относилась к их эмоциям: она бы на их месте возненавидела себя тоже.

Поэтому когда в седьмом классе девочки объявили ей бойкот, совсем не удивилась.

Они шили фартуки на уроке домоводства. Пристрочить карман правильно получалось не у всех. У Кати тоже ничего не выходило. И учительница, конечно, помогла именно ей. Самоотверженно бросилась спасать отличницу, как только та подняла руку.

— А почему сразу Кате-то помогаете?

— Мы вас уже десять минут просим объяснить!

— Чем мы хуже Зайцевой?

Негодование нарастало, как снежный ком. На перемене девочки посоветовались и торжественно объявили Кате, что разговаривать с «подлизой» и «любимчиком» они не намерены.

«Как, интересно, они в таком случае будут просить списать домашку?» — подумала Катя.

Она не расстроилась, не огорчилась. Ничего не потеряла. Продолжила жить, как жила раньше. Девчонок хватило на неделю — до первой контрольной.

Кате же после этой истории стало очевидно: дружба с одноклассниками ей не грозит. Но и открытая вражда не грозит тоже. Нужно лишь продолжать хорошо учиться — и она в безопасности.

— Привет, Пушок! — Катя зашла во двор и помахала рукой собаке. Это был её самый близкий и, кажется, единственный друг. Он всё понимал, смотрел умными глазами, внимательно слушал, а когда она совсем грустила — подходил и протягивал лапу.

Намашка

Во вторник Катя задержалась после уроков в кабинете биологии. Ольга Борисовна рассказывала о том, что нужно сделать, чтобы на каникулах попасть в летнюю школу.

— Медосмотр пройди, главное. А документы от школы я подготовлю сама.

Хотела ли Катя ехать в летнюю школу и изучать под микроскопом букашек? Она не знала. Она вообще очень плохо знала, чего хочет. Хотели обычно другие, а она выполняла, чтобы не огорчать.

В музыкалке, которую Катя окончила год назад, мечтали, что их лучшая ученица поступит в училище и продолжит играть на аккордеоне. В художественной школе пророчили будущее великого живописца. Учителя-предметники ждали, что Зайцева совершит массу научных открытий.

Чего ждала и о чём мечтала сама Катя, кажется, мало кого волновало. Кроме неё самой. Через год школа заканчивалась. И ни аттестат с пятёрками, ни золотая медаль, ради которой ей прощали завалы на физкультуре, не могли помочь ей с выбором пути.

Родители тоже отказывались давать советы.

— Решай сама: это твоя жизнь, — говорил «мудрый» папа, который на самом деле просто не хотел брать на себя лишнюю ответственность.

— Всё, что угодно, кроме педа, — говорила мама, работавшая, как не трудно догадаться, учителем (к счастью для дочери, в другой школе).

У Кати не было любимых предметов (кроме разве что литературы, но не на филфак же поступать!). У неё вообще было мало «любимого». Одноклассники по-

стоянно обсуждали спортсменов (мальчики), певцов и актёров (девочки), а Катя искренне не понимала: как можно обожествлять кого-то настолько, чтобы обклеивать все стены в комнате его портретами.

— Ну, я пойду. А ты, если не трудно, протри доску, — Ольга Борисовна вернула Катю к реальности.

Дверь за учительницей закрылась, и Зайцева осталась в кабинете одна. Широкая зелёная доска была вся в разводах. Вода в ведре — белая от мела. Мокрая тряпка пахла затхлостью.

Катя приоткрыла форточку и направилась с ведром к двери — сменить воду. Но остановилась, заметив на полу под одной из парт толстый ежедневник в красном кожаном переплётё.

Открыла. Почерк был Наташкин: крупный, размашистый.

Ковалёва считалась звездой класса. Красивая, стильная, с точёной фигурой, большой грудью и длинными ногами. Наташка пользовалась бешеной популярностью у мальчишек и меняла поклонников, как перчатки. Она неплохо училась, но умной прослыть не стремилась: мальчишкам нравятся красивые, но глупенькие, это Ковалёва знала наверняка. Наташка всегда была в отличном настроении, улыбалась и шутила. А ещё участвовала во всей школьной самодетельности: и пела, и танцевала, и в спектаклях играла (разумеется, главные роли). Овации и цветы, казалось, были смыслом её существования.

Потому, открыв ежедневник, Катя не поверила своим глазам.

«25.04.2007.

Господи, как же я устала. Я больше не могу так. Лицемерка, дура, шлюха», — это она, звезда, о себе!

Катя поставила ведро на пол, села за парту и пролиставала ещё несколько страниц.

«29.04.2007.

Гоша опять вчера притащился пьяный. Ненавижу его. Маму довёл до слёз. Орал, матерился. На

отца с кулаками полез. Ко мне пристал. Шалавой обозвал, сука. Я сразу из дома ушла. Гуляла с Никитой. Домой пришла уже к полуночи. Мама зарёванная, сердечные капли пьёт».

И дальше:

«10.05.2007.

Я ему сказала сегодня: ты когда уже перестанешь мучить маму. Пьёшь — да хоть упейся. Только свали тогда куда-нибудь, чтобы не мучить её. Что ты за зверь такой. Чё, говорит, умная самая, не тебя обманывали же, меня. Ну да, да, он прав, они, конечно, дураки, что не сказали ему сами, что он папе не родной. Но что, было бы лучше, если бы мама осталась с этим алкашом тогда, не сбежала от него? Он же сам отказался от Гоши. Папаша, блин. Хорош папаша. Нет, я не знаю, конечно, может, и я бы не справилась. Не простила бы».

Кате было не по себе. Казалось, что она подглядывает в замочную скважину. В общем-то так оно и было, но остановиться она уже не могла.

«20.05.2007.

Мама сегодня пыталась ему внушить, что надо кодироваться, раз он сам не может бросить. Наорал и ушёл. Мама на папу сорвалась. Ад какой-то. Меня вообще как будто не существует. Принесла сегодня грамоту с конкурса танцев — ноль эмоций. Конечно, какая Наташа. Когда Гоша. Гоша у нас — царь земли. Главный герой! Сука! Что мне, начать пить, чтобы и на меня внимание обратили? Ладно, давайте буду пить, если так надо. Буду пить, курить, трахаться с кем попало. Эй, блин, я тут! Уроды. Никому не нужна. Я устала. Как же я устала. Реву уже второй час, завтра глаза будут как у китайца, надо прекращать. Пристанут ещё: чего ревёшь. А чего я реву? Да нет, нет, всё норм, что вы. Просто, может, мне из дома уйти? Я всё равно вроде как ни к чему здесь».

— Катя! Ты что, читаешь?

Наташка, запыхавшаяся (видимо, бежала бегом), стояла в дверях. На лице — стыд, ужас, страх.

— Прости. Я не знала, что это твоё. Я...

— Дай сюда.

Катя подошла и протянула ежедневник.

— Я никому ничего не скажу, Наташа.

Ковалёва молча посмотрела ей в глаза и вышла из класса, оставив Катю у двери, озадаченную и испуганную.

Что она знала о своих одноклассниках? Не о 10-м А, а о каждом в отдельности?

Кем они были, каждый, сам по себе? Что носили в своих головах, о чём переживали? Они были всеильны и могущественны только все вместе. 10 А был спасением для каждого из них.

Катя взяла ведро и пошла в туалет. Нужно было успеть помыть доску до того, как придёт вторая смена.

Родители

Катины отношения с родителями трудно было назвать хорошими, как, впрочем, и плохими. Даже не так: их трудно было назвать отношениями. Родители кормили и одевали её, расписывались в дневнике, работать по дому не заставляли («Занимайся уроками, я сама»), про школу особо не расспрашивали (о чём спрашивать у отличницы?).

У Кати не было ни сестры, ни брата (что после Наташкиного ежедневника казалось скорее благом). Но мысли о том, что она вроде как не очень-то нужный элемент в этой «ячейке общества», были ей созвучны.

Катя ничего не знала о родителях — как о людях, о личностях. А они очень плохо знали собственную дочь. После плотного ужина мама садилась за стол писать планы и проверять тетради, отец включал «Ментов» или «Убойную силу», Катя уходила в свою комнату. Иногда они заставляли её в слезах и спрашивали, в чём дело. Она просила оставить её в покое и закрывала дверь изнутри. Они не навязывались.

Катя была не нужна родителям, это было очевидно. Они не хвалили её за хорошую учёбу, не ругали (потому что обычно не за что было), они, казалось, вообще не замечали, что она, Катя, существует. И если она всё-таки использовала бы тот самый крюк по назначению, они, конечно, очень горевали бы и рыдали, но вообще-то — если отбросить всю эту лирику — мало что потеряли бы. Так, по крайней мере, казалось Кате.

Семья представлялась ей какой-то ложной, противоестественной конструкцией. Но когда в среду вечером мама вдруг зашла к ней в комнату и сказала: «Мы с папой разводимся», — Катя испугалась и заплакала.

Мама плакала тоже. Оказывается, и мама умеет плакать.

— Почему?

— Помнишь, на прошлой неделе он пришёл пьяный после работы? Поздно вечером?

— Но он же лёг сразу.

— Он изменил мне.

— Мама, он просто пьяный был, он, наверное, просто не понимал.

— Это не оправдание.

Мама ненавидела, когда отец приходил пьяным. К счастью, это случалось редко. Утром она выговаривала ему всё, что думала («Позор-то какой! Неужели ты краёв не видишь?! Давай куплю тебе ведро водки — упейся, раз тебе так хочется!»), а он, потупив взгляд, просил прощения и обещал не брать больше ни капли в рот. Ему было стыдно. До следующего раза.

Катя тоже не любила папу, когда он был пьян. С детства не любила. Мама не знала эту историю (они скрыли от неё), а Катя помнила всё — до мельчайших подробностей.

Ей было восемь, она играла в своей комнате, а папа и его приятель — коллега с завода — пили на кухне водку. После какой стопки у папы переклинило, Катя не знала. Но он вдруг потащил дядю Вову на

улицу и начал бить. «Не трогай мою семью!» — и кулаками по лицу, по животу и опять по лицу.

Потом забежал в дом и схватил охотничье ружьё. «Не бойся, Катя, он нам ничего не сделает. Я убью его. Он враг».

Катя бросилась к телефону — звонить маме на работу, но та уже ушла, уроки кончились. А мобильных тогда ещё не было. В ограде заливалась лаем собака, а папа, раскачиваясь из стороны в сторону на заплетающихся ногах, целился в дядю Вову.

— Папа, не надо, пожалуйста. Это же твой друг. Это же дядя Вова.

Она не помнила, как она там очутилась, на улице. Она смотрела на отца, на дуло ружья — близкое, чёткое, начищенное до блеска, тянула папу за рукав. Лицо у дяди Вовы было в крови. И рубашка в крови. Небо над ним голубое, трава под ним зелёная, а рубашка — красная, красная.

Папа вдруг с ужасом посмотрел на Катю, на ружьё. Опустил его.

— Володя, Володя, прости. Я не знаю, что это со мной. Катя, доченька, прости.

Он упал на колени. Слезы — по небритым щекам. И кулаки в крови.

Так пах Катин страх — дяди-Вовиной кровью на папиных руках, водкой и ружьём.

Катя вздрогнула от воспоминания. Да, она не любила, когда папа пил без меры. Наверное, и в этот раз, раздевая другую женщину, он не совсем понимал, что делает. Но мама была права: это не оправдание.

Мама плакала. Катя сидела рядом. Что она могла сказать? Не разводишь, ведь папа помогает мне с геометрией? Глупо. Папа предал маму. Он должен был быть наказан — это логично.

Хоть и мама была тоже хороша: она совсем запустила себя, махнула рукой. Катя уже забыла, когда они в последний раз отправляли её к бабушке в деревню с ночевой.

Любовь

Катя Зайцева, разумеется, была девственницей. Да что там: она и не целовалась-то даже ни разу. Шансов на поцелуй у неё и так было не много, а в тот день, когда стоматолог поставил ей брекеты на обе челюсти, вероятность этого события и вовсе приблизилась к нулю.

Когда девочки на перемене обсуждали, как классно целуется Серёжка или какая техника лучше — с языком или без, Катины щёки мгновенно становились пунцовыми и она поглубже зарывалась в учебник: реформы Александра II, разумеется, были куда интереснее всех этих девичьих разговоров.

Познания Кати в области секса были довольно поверхностны. Родители с ней эту тему не обсуждали. А когда по телевизору начинались какие-нибудь откровенные сцены, сразу переключали канал.

Половым воспитанием приходилось заниматься самостоятельно. Катя довольно детально изучила себя, когда мылась в бане, и даже эмпирическим путём убедилась, что если потрогать «там», то внизу живота возникнет очень приятное ощущение. Если же в этот момент включить ту секретную кассету, которую Катя обнаружила в тумбочке у отца, или прочитать пару страниц из любовного романа (дома было несколько, в мягком переплёте), то эффект усилится.

Про «мастурбацию» писали в журнале «Маруся», который выписывала ей мама. Гинеколог в рубрике «Про это» убеждал, что в этом нет ничего опасного и противоестественного, но заниматься этим Кате всё-таки было довольно страшно. И стыдно. Ну и весьма грустно, чего уж. Лучше, конечно, чтобы всё это делал мальчик. Серёжка.

Малышев пришёл в их класс четыре года назад. И с первого взгляда покорило Катину сердце. Обаятельный, сероглазый, высокий, с уже сформировавшимся низким голосом.

Серёжкины родители занимались бизнесом, у них было несколько продуктовых магазинов в Жилкино. На сына времени, видимо, не хватало, и он был предоставлен сам себе. Чем и пользовался вовсю. Срывал уроки, доводил до слёз учительницу литературы, регулярно ходил к директору и много курил. В жизни его интересовали только две вещи: девчонки и крутые тачки.

Он не был умён, но это мало беспокоило Катю. Во-первых, противоположности притягиваются. А во-вторых, совсем не обязательно разговаривать с ним о процессе фотосинтеза или экономическом развитии России во второй половине XIX века. Можно просто молчать, слушать про Ауди и Мерседесы, да даже про Наташкины «буфера». Лишь бы он был рядом.

Серёжка догадывался о Катиной симпатии. Но ему, конечно, было не до неё. Поклонницы и так ходили за ним стройными рядами. Поэтому когда в четверг он вдруг догнал её после уроков:

— Катька, можешь с алгеброй помочь? Тройка нужна за четверть позарез! — она удивилась. И, конечно, обрадовалась. И, разумеется, согласилась.

— Приходи ко мне часов в пять, сможешь?

— Смогу. Ты же на Лесной живёшь?

— Да, второй дом.

Серёжка улыбнулся, подмигнул, и Катя залилась краской.

Алгебра

Семейные проблемы сразу отступили на второй план. Кате резко расхотелось кончать жизнь самоубийством (ещё вчера, после вечернего скандала родителей она снова думала об этом).

Любимая сцена собственных похорон уступила место фантазиям о первом поцелуе с Серёжкой. Потом о свадьбе. И о маленьких сероглазых хулиганистых сынишках.

Об этом она думала всю дорогу до дома.

Вдруг выяснилось, что на улице — май. И совсем скоро расцветёт черёмуха. И воробьи так здорово чирикают. И небо такое голубое и прекрасное.

Катя зашла за ограду.

— Пушок, ты не представляешь! Сегодня я пойду к Серёже. Мы будем заниматься алгеброй!

Пёс недоверчиво посмотрел на Катю и ушёл в будку.

— Не ревнуй!

Без пяти пять Катя стояла на улице Лесной. Выдохнула, нажала на кнопку звонка. Во дворе залаяла овчарка.

— Заходи, она не достанет!

Серёжка кричал с крыльца. Он был в домашнем трико и футболке. Волосы взъерошены.

— Я спал.

Собака недоверчиво посмотрела на гостью и проводила её недобрým рычанием.

Дом у Серёжки был богатый. Родители хорошо зарабатывали и много вкладывали в создание домашнего уюта (хоть дома практически не находились). Просторные светлые комнаты, стеклопакеты вместо традиционных для Жилкино стеклянных окошек, дорогая мебель.

Из Серёжкиной комнаты доносилось: «Будь как дома, путник, я ни в чём не откажу». В тему. Интересно, как он спал под такой грохот?

— Проходи, сейчас чаю принесу. Будем разбираться с этими косинусами.

Серёжка был подозрительно вежлив и обходителен. Хотя кто его знает, какой он на самом деле, вне 10-го А.

Катя села на край Серёжкиной кровати и открыла учебник алгебры. «Король и шут» продолжал петь про лесника. Все стены в комнате были обклеены постерами с изображениями этой группы.

— Ты, наверное, не слушаешь такое, — выключил магнитофон. — Держи кружку. Так что там с тангенсами-котангенсами?

Катя начала объяснять. Он сел рядом. Совсем близко. Слишком близко. В горле пересохло (спасибо за чай!), а внизу живота заныло. Рука Серёжки почему-то оказалась за Катиной спиной. Пальцы коснулись поясницы.

Она испуганно уставилась на него. Он улыбнулся. Его лицо приближалось.

Боже мой, что делать? Куда деть нос? Что, если он поранится о мои брекеты? Он же поймёт, что я не умею! Так, что там писали в «Марусе»? Приоткрыть рот и расслабить губы. Так, приоткрыть рот...

Серёжка уверенно поцеловал её. Сначала только губами. А потом и с языком. От него пахло сигаретами и мятным «Орбитом».

Сердце колотилось, щёки горели, а в животе взрывались фейерверки.

— Прикольно с брекетами!

И продолжил целовать. Руки уже всю шарили по бёдрам, по спине (под кофточкой), затем добрались до груди. Серёжка поставил Катину кружку на стол, убрал уже ненужную алгебру и повалил одноклассницу на кровать.

Встроенный механизм по защите невинности сработал только тогда, когда Серёжка раздел её до белья и разделся до трусов сам.

— Серёжа... Не нужно, пожалуйста.

— Девственница, что ли? Так и думал.

Катя с ужасом посмотрела на него.

— Залететь боишься? Не бойся, я у отца взял резинку. Всё нормально.

— Пожалуйста, не надо.

— Надо, Катюша, конечно, надо, что ты. Неужели я тебе не нравлюсь?

Он целовал её в мокрые щёки, в губы, в шею и всё сильнее наваливался на неё. Она уже ощущала то огромное, твёрдое, чужое. И боялась, как же она боялась, что оно порвёт её на части! Серёжка стянул с неё трусы и, раздвинув Катини бёдра, уткнулся в неё.

— Серёжа, пожалуйста!

— Тихо, тихо, расслабься, больно не будет, — и резко вошёл в неё.

Катя забыла, что она была влюблена в Серёжку, забыла, что он принц, забыла, что мечтала обо всём этом. Всего этого не существовало. Реальной была только боль. Такая ужасная и страшная боль, что она закричала.

— Не ори. Собаку напугаешь, — Серёжка совсем не контролировал себя, жёсткими и быстрыми толчками он входил в неё. А она умоляла Бога (вовремя вспомнила, однако!), чтобы всё это скорее кончилось. Видимо, Бог услышал.

— Ну вот и всё. А ты боялась. Ого, кровящи-то сколько. Ты иди в туалет, я тут уберу.

Катя встала, взяла одежду и, спотыкаясь, пошла в ванную комнату. Ноги дрожали. Боль разливалась волнами по животу. Казалось, что её вспороли ножом, а зашить забыли.

Она вытерла кровь и оделась. Посмотрела в зеркало. Там была Катя Зайцева. Та же самая, что утром, что час назад. Только женщина, а не девочка.

Глаза по-прежнему были мокрыми. Зелёные её глаза. Катя внимательно посмотрела в них. И вдруг улыбнулась. Он любил её, он хотел её! Больно? Ну так это в первый раз так. А потом будет не больно. Потом будет приятно. Нужно только немного потерпеть.

— Кать, слушай, алгебру придётся перенести на завтра. Родители позвонили — едут. Не хочу, чтобы они застали тебя тут. Ты извини.

— Конечно.

— Ну пока. Собаку не бойся, она не тронет.

Катя вышла за ограду. Ей казалось, что губы её горят. И тело её горит. И всем вокруг видно, понятно, очевидно, что с ней произошло. Её по-прежнему трясло. Ноги дрожали.

— Почувствуй себя хромой антилопой, Зайцева, — Катя усмехнулась.

Она шла домой, отводила взгляд, встречаясь глазами с прохожими. Ей казалось странным, что никто не показывает на неё пальцем, не кричит: Зайцева потеряла девственность! Потеряла невинность! И никак её теперь не вернуть. Было — и нет.

Пушок внимательно посмотрел на Катю и заскулил, поджав хвост. Он всё понял.

Правда

Катя проснулась в хорошем настроении, такого с ней не случалось давно. Сначала она подумала, что вся эта история с алгеброй, поцелуями и тем, что за ними последовало, ей приснилась. Но «там» по-прежнему саднило. Значит, не сон, значит — правда. Она теперь девушка Серёжки Малышева. Чудо.

В школу она не шла — летела. Она как-то вдруг похорошела разом. Розовощёкая, круглолицая, с толстой своей косой, Катя впервые нравилась себе — потому что понравилась ему. Она улыбалась, и брекеты её несколько не смущали.

— Всем привет!

Одноклассники посмотрели на неё с недоверием. Серёжка подмигнул. Максим засмеялся и затаил своё любимое:

— Мне многого не надооо, коснуться только взглядооом до кончиков ресниц твоих на несколько секуунд...

Ненавистная обычно физика показалась самым интересным предметом. И голос Тамары Петровны звучал как музыка. Катя не заметила, как ребята шушукаются, доставая кошельки из рюкзаков и сумок, как оглядываются на неё со смехом, как шепчут Серёжке: «Малышев, ну ты герой!»

В конце урока сидевшая сзади Марина похлопала Катю по спине и протянула ей конверт. В нём лежали 300 рублей. И записка — Серёжкиной рукой: «Твоя доля. Мороженого себе купи».

Краска залила лицо, уши, грудь.

— Можно выйти?

Она еле успела добежать до туалета. Её рвало, выворачивало наизнанку. Больно, стыдно, гадко, грязно. Несправедливо и подло.

Катя нажала на кнопку слива, умыла лицо ледяной водой и, дождавшись, когда прозвенит звонок и 10 А побежит из физики переодеваться на физкультуру, вернулась в кабинет.

— Тамара Петровна, вы можете передать завучу, что я ушла домой? Плохо себя чувствую.

— Конечно. Может, в медпункт зайдёшь?

— Да нет, я лучше поскорее домой. Видимо, отравилась.

Спасение

Она вышла из школы, не зная, куда идти и что делать. Друзей у неё не было, родителям с их разводом было не до Кати. К кому обратиться за помощью? И главное — о чём просить?

Наказать Серёжку? Вернуть ей утраченную невинность? Взорвать школу? Расстрелять одноклассников, заплативших Малышеву за её позор?

Почему-то вспомнилась Соня Мармеладова. Та ужасная сцена, когда она впервые «переступила» и вернулась домой с «жёлтым билетом». Но там хотя бы было понятно, оправданно, хоть и ужасно: ради отца, ради братишек-сестрёнок, ради чахоточной мачехи. А тут — ради чего?

Катя сама не поняла, как оказалась у ворот церкви. Ноги сами привели.

Никогда раньше она не бывала в этом храме. Да и вообще за всю свою жизнь в церкви была лишь один раз, совсем маленькая — когда ездили в город с мамой.

Там былолюдно, душно, пахло ладаном и потом. Батюшка с огромным животом и крестом во всю грудь смешно размахивал кадиллом, гнусаво завывая: «Господи, помилуй!». Распятие на стене навевало ужас.

Христа было жалко. И непонятно было, почему нужно есть его тело и пить его кровь.

Катя презирала религию, а заодно с ней и Бога. Заявление Ницше о том, что Бог умер, было ей больше по душе. Она сомневалась, что Раскольников спасётся верой, и была уверена, что ничего не изменится, если пойти на перекрёсток и, каясь, перекреститься, и отвесить земные поклоны. В этом она была убеждена вплоть до сегодняшнего дня. А сегодня вот сама пришла креститься и отвешивать поклоны. Каяться. Искать помощи.

Она натянула капюшон куртки на голову и зашла внутрь.

— Куда?

Неприятный женский голос остановил Катю.

— Куда в штанах прёшь? И на голове что у тебя?

— Я просто хотела...

— Хотела она! Оденься как следует, раз хотела! В храм пришла, не на дискотеку! Ну и молодёжь пошла. Что стоишь-то? Иди, иди. В штанах в церковь! Ничего святого.

Катя искренне не понимала, что «святого» в юбке и платке. Она вышла из церкви. Свидание с Богом не состоялось. Спасения ждать было неоткуда.

Быть или не быть

Пушок завилял хвостом и бросился целоваться. Он облизывал её солёные щёки, а Катя гладила его по мохнатой спине. Они оба скулили — девочка и собака.

— Что же делать, что делать? Пушок, миленький, что же мне делать? Тупик, тупик, тупик...

Тут она вдруг вскочила и бросилась в дом. Схватила ручку и листок.

Она и раньше, в детстве ещё, баловалась стихоплётством. «Птицы — куницы, розы — мимозы, любовь — морковь». Но тут было не то. Оно выливалось из неё готовыми фразами, целыми строфами (может, филфак не такая уж гиблая затея?). Будто всё, что ко-

пилося годами, наконец лопнуло и полезло наружу. Плотину прорвало, и вышедшая из берегов река затопила города, деревни, людей и животных.

Катя писала и плакала. Несколько часов — пока этот колодец наконец не пересох. Закончились и слёзы, и строчки. Внутри было пусто и тихо, как после грозы в июле.

Она вышла во двор. Дышала, смотрела, слушала.

Бог, к которому её не пустили в церкви, был вовсе не там. Он был всюду. В небе, в воздухе, в деревьях, в ней самой. В её сердце. И как она только раньше не замечала его?

Ей вдруг стало жалко одноклассников. Её совесть чиста. А они? Бедные, бедные. Почему-то захотелось обнять каждого. Она должна была ненавидеть их, а она — любила.

Она любила маму и любила папу. Она хотела, чтобы папа раскаялся, а мама простила. Она хотела, чтобы брат Наташки Ковалёвой бросил пить, а Максим наконец влюбился в кого-нибудь и забыл про свои дразнилки. Чтобы Серёжкины родители вспомнили, что у них есть сын. А Серёжка узнал, что подлость и низость всегда возвращаются бумерангом, и понял, что люди не игрушки.

Она любила этот мир. Цветущий, весенний, полный звуков и ароматов. Обещающий жизнь. Было ли место для неё в этом мире? В этой жизни?

Катя крепко обняла Пушка и зашла в дом.

Олеся Сидорова

г. Самара

Дело Мари Буво

Рассказ

Впервые детектив Клинт Хадсон увидел Мари Буво уже мёртвой. Тело девушки нашел местный житель, которому приспичило в 4:30 утра выйти прогуляться с собакой. Уже в 5:42 всегда хмурый и молчаливый полицейский был на месте со сворой коллег. Здесь же работала бригада врачей, пытающихся собрать мисс Буво по кусочкам.

— Какая-то дьявольская мозаика! — воскликнула Сюзанна Арно, напарница Хадсона, рассматривая изуродованные останки.

Тело молодой девушки лежало в тёмном переулке между двумя многоэтажными домами. Грудная клетка жертвы была вскрыта, живот вспорот, а все внутренние органы извлечены. Сердце, почки, печень — всё это лежало на асфальте. Убийца аккуратно разложил органы вокруг тела, вытащил кишки и, сложив их в спираль, водрузил на голову погибшей, как корону.

— Все органы на месте? — осведомился детектив Хадсон у стоявшего рядом медика, побелевшего и испуганного до чёртиков.

— Кажется, не хватает... лёгких, — еле дыша, вымолвил желторотый выпускник медицинского университета, который всего 6 месяцев назад поступил на работу. Ничего подобного он раньше не видел.

Честно признаться, ни один из старожилов полицейского участка Роузленда также не сталкивался ни с чем подобным. Однако представители закона, поклявшиеся охранять покой пятисот тысяч местных жителей, старались продемонстрировать своё хладнокровие.

Детектив Хадсон обошёл вокруг тела, изучая каждую мелочь на месте преступления. В Роузленде, городе, где регулярно кого-то режут или насилуют, Клинт Хадсон был настоящей легендой. Этот загадочный великан с ростом под 190 сантиметров мог легко пленить любую женщину своими серыми глазами с поволокой и беспрекословной любовью к строгому стилю в одежде. Ежедневно, вне зависимости от того, когда начинался его рабочий день, Клинт выглядел как с иголки в идеально выглаженном костюме и начищенной до блеска обуви. Его тёмно-каштановые волосы не поддавались укладке, поэтому торчали в разные стороны, добавляя детективу небрежного шарма. Единственная деталь, выбивающаяся из этого строгого классического образа — часы с большим циферблатом на жёлтом ремешке. Детектив Хадсон не расставался с ними даже во время сна, а ремешок, который так нравился ему в юношеские годы, уже давно истёрся и потерял прежнюю яркость.

— Док, я заметил странные раны на сердце и печени, не подскажете, что это? — мистер Хадсон сел на карточки, безнадежно заляпав туфли кровью погибшей.

На органах действительно виднелись крошечные ранки. Сама мисс Буво была раздета, а её тело лежало на некогда зелёном пледе, который теперь покрылся бордовыми пятнами от крови и грязевыми разводами

разных размеров. Рядом с изуродованным телом валялась бледно-лиловая сумочка, в которой обнаружилось несколько мелких купюр и водительские права на имя Мари Буво.

— Да, подозреваю, что это крысы, — доктор Крайчек, по кличке «Черепаша», всегда отвечал с задержкой, обдумывая каждое слово и растягивая звуки так, что не каждому собеседнику удавалось его дослушать, — тело пролежало на улице не один час, о чём можно судить по степени окоченения. Думаю, обитатели местных помоек успели чем-то поживиться. Наши эксперты считают, что и лёгкие погибшей где-то здесь. Возможно, их утащила бродячая собака.

День детективу Хадсону предстоял непростой: обыскать всё вокруг в радиусе нескольких кварталов, полицейские так и не смогли найти лёгкие погибшей. Остался лишь один разумный вывод: убийца забрал их с собой в качестве сувенира.

Отправив всегда чуткую Сюзанну разговаривать с родителями погибшей, сам детектив Хадсон решил опросить возможных свидетелей.

— Мы ничего не слышали: время было позднее.

— Неужели убийство произошло прямо под моими окнами и я это проворонил?!

— Какой кошмар! В этом городе уже страшно выйти на улицу, а всё вы, ребята, виноваты. Рассиживаете у себя в офисах, а по улицам гуляют такие ублюдки!

Клинт всё слушал и слушал одинаковые реплики возмущённых жителей соседних домов, и никто из них не мог сообщить полицейскому хотя бы частично ценную информацию. Лица потенциальных свидетелей расплывались, а сам детектив Хадсон терял терпение. В какой-то момент перед глазами вместо изнурённых и разбуженных раньше срока людей стало появляться лицо Мари Буво. Вот она, молодая девушка с пухлыми щеками, открывает ему очередную дверь. Её органы ещё на месте, но она ничего не слышала об убийстве.

Вот на пороге другой квартиры возникла всё та же Мари Буво, но уже с глубоким надрезом, начинающимся между грудей и заканчивающимся в районе лобка. При стуке в следующую дверь детектив Хадсон сталкивается с измученной особой, в груди и животе которой зияет огромная дыра. Лицо девушки искажилось, его прежняя, и без того едва заметная, привлекательность полностью сошла на нет.

Следующие двое суток полицейский посвятил общению с немногочисленными знакомыми погибшей, а также анализу данных, полученных после полного осмотра тела экспертами.

«Тело Мари Буво поступило в морг в 06:20. Приблизительное время смерти 23:00. Глубокая рана на голове позволяет предположить, что девушка погибла от удара, нанесённого тупым предметом. Уже после из её тела были извлечены все внутренние органы. Следов сексуального насилия не обнаружено...»

— Мари была сложным ребёнком, — возвещала мать погибшей, то и дело прерываясь на рыдания. Глаза её давно заплыли от неустанно выливающихся слёз, а кожа покрылась мелкими красными пятнами, став реакцией организма на стресс.

— Когда вы в последний раз видели дочь? — детектив Хадсон работал без перерыва на сон уже 20 часов, и поэтому в глазах у него двоилось.

— За пару часов до её смерти. Мы сильно повздорили, и всё из-за её дурацкого курения! Моя девочка могла выкуривать по две пачки сигарет в день и даже отца не слушалась. Я всегда думала, что её погубит рак, но видите, как всё обернулось!

— Кто, по вашему мнению, мог совершить подобное?

— Даже предположить не могу! У Мари было мало друзей, не было парня, практически всё свободное время она проводила дома, постоянно смоля! Помнится, я однажды заставила её пройти полное медицинское обследование, но анализы ничего не показали. Моя дочь была абсолютно здорова, ни одного

тревожного симптома. С тех пор она начала курить ещё больше!

Простившись со свидетелями, детектив поспешил домой, где погрузился в довольно длительный, но беспокойный сон. В видениях к нему приходила Мари Буво.

Девушка сидела у изголовья его кровати, расклаваясь на старом стуле с деревянной спинкой. Она была обнажённой и беспрестанно курила, наполняя комнату клубами дыма. Это была их вторая встреча, а третья не заставила себя ждать.

Снова и снова разглядывая фотографии погибшей, детектив Хадсон искал зацепки. Начальство торопило его, коллеги втайне посмеивались, предвещая, что дело так и не будет раскрыто. В это самое время Мари Буво превратилась в важную часть его жизни.

Призрак неустанно сопровождал детектива, не оставляя его во время сна и бодрствования. Девушка с зияющей дырой в области живота бродила по его квартире, молча наблюдала за Клинтом, пока он принимает душ, ложилась с ним спать в одну постель.

Однажды детектив даже занимался с ней любовью. Едва не достигнув пика физического наслаждения, Клинт просунул руку в дыру у неё в животе и почувствовал холод. Проснувшись, детектив встал с кровати и отправился в ближайший супермаркет, где купил две бутылки виски Johnnie Walker. Следующие четыре дня полицейский был мертвецки пьян.

Только в таком состоянии призрак Мари Буво оставлял его в покое. Стоило Клинту открыть глаза наутро, и вместе с волной невыносимого похмелья перед ним появлялась она. На бледной коже вокруг груди выступали бурые пятна и синие вены, губы были сомкнуты, а волосы каштанового оттенка спутаны. Протягивая руку за очередной утренней «добавкой», детектив Хадсон слышал звонок в дверь.

— Слава Богу, ты дома! Кажется, появился подозреваемый, — Сюзанна Арно без приглашения прошла в скромную квартирку, где однажды уже бывала.

В тот вечер Клинт тоже был пьян и наделал немало ошибок. К счастью, его коллега оказалась чересчур сдержанной, чтобы закатить скандал, и слишком понимающей, чтобы затаить долгую обиду. Они сохранили дистанцию, но при этом казались друг другу близкими людьми, объединёнными некой тайной.

— Кто? — прохрипел в ответ детектив Хадсон, не успевший пригубить сорокаградусный эликсир и теперь мучившийся от сильнейшей головной боли.

— Её дружок. Как ты знаешь, Мари Буво последние два года работала официанткой в закусочной «У Фреда». Там она закрутила роман с поваром, об этой интрижке не догадывались даже её коллеги.

— Стоп, миссис Буво вроде бы сказала, что у Мари не было парня, — Клинт глубоко уважал Сюзанну, но знал, что эта невысокая женщина 35-ти лет сразу же заметила его ужасающее состояние. И только её природная деликатность не позволила задать соответствующие вопросы.

Он плюхнулся обратно на кровать, прикрыв глаза руками, стараясь скрыться от яркого света, льющегося из небольшого окошка сбоку. Стены, выкрашенные тёмно-синей краской, навевали тоску, и только огромный плакат с надписью «Lucy in the Sky with Diamonds» выделялся на этом депрессивном фоне.

Квартирка у него была крошечная, на окраине, но именно здесь Клинт чувствовал себя счастливым. Детектив старался не покидать без уважительного повода обжитый угол, иногда даже работая на дому. Так было всегда, вплоть до того дня, когда в его доме на окраине Роузленда поселился призрак.

— Я просматривала фотографии, сделанные в море, и наткнулась на это, — детектив Арно достала из папки снимок, на котором было изображено лишь обнажённое тело. — Видишь, вот здесь, на лобке? Это называется интимная стрижка, и поверь, выбрить такое чрезвычайно сложно. Вряд ли мисс Буво пошла на подобные эксперименты исключительно в целях самолюбования.

Волосы на лобке, и правда, были выбриты в виде пятиконечной звезды, и после довольно продолжительного рассказа о своих гипотезах Сюзанна наконец подошла к главному.

— Парня зовут Боб, и алиби на вечер гибели мисс Буво у него нет. Мы вышли на него благодаря школьной подружке Мари, которая случайно столкнулась с ней в магазине за несколько дней до гибели. При встрече погибшая только и твердила, что о своём друге Бобе. Думаю, тебе нужно с ним побеседовать.

Перспектива отправиться в участок, где на него будет устремлено слишком много глаз, не внушала оптимизма.

— Пожалуй, я доверю разговор с этим Бобом тебе. Чувствую себя не лучшим образом, поэтому поработаю дома.

Сам Клинт просидел в четырёх стенах до вечера, собираясь с мыслями и борясь с соблазнами, а затем всё-таки направился в бар «34 бочки», где провёл два последних вечера. Как только он пригубил первый стакан любимого виски, призрак Мари Буво, стоявшей неподалёку, потускнел. После третьей порции бестелесный дух и вовсе исчез, на время оставив изнурённого копа в покое.

— Почему бар называется «34 бочки»? — устало пролепетал Клинт, поднеся к губам четвёртый стакан не лучшего пойла.

— Когда наш босс открывал бизнес, у него было ровно 34 бывших подружки, вот он и решил отомстить всем этим стервам! — усатый и накаченный бармен оскалил зубы, продемонстрировав белоснежную улыбку.

За его спиной на стене висел добрый десяток фотографий, и все с местными завсегдатаями и официантками. Вдруг детектив Хадсон почувствовал какой-то щелчок, измученный гипотезами мозг подал ему короткий сигнал, тут же заблокированный алкоголем. Было в этих фотографиях нечто особенное. Осмотрев

каждый снимок повнимательнее, пьяный в стельку полицейский всё-таки сумел вычленить кое-что интересное: на одном из снимков была изображена Мари Буво в фирменном фартучке бара «34 бочки».

— Эй, послушай, а вот та девушка, в синей майке, она что, здесь работала?

Бармен в недоумении устремил взгляд на карточку, в которую детектив упорно тыкал пальцем.

Неприметная круглолицая девушка действительно трудилась в баре где-то полгода назад, но широкоплечий хозяин бутылок и стаканов никак не мог вспомнить её имени.

— Да, она работала на полставки. Приходила, когда получалось, говорила девчонкам, что хочет съехать от родителей, и поэтому ей нужны деньги. Не помню, как её звали. Может быть, Марта, может, Джессика...

— Она здесь с кем-нибудь общалась? Может быть, остались какие-то поклонники или подружки? — разум детектива Хадсона мгновенно освободился от сковывающих его алкогольных пут, но стакан с недопитым виски всё ещё жёг руку, призывая осушить его до доньшка.

— Нет, из наших девочек она ни с кем не дружила, да и проработала тут не больше двух месяцев. Однако был у нас такой завсегдатай, мы его ещё называли мистер Правильный. Имени его никто не знал, он обычно молча сидел вон за тем столиком.

— Почему «мистер Правильный»?

— А потому что он приходил сюда чуть ли не каждый день, не курил, не пил, девчонок не лапал. Сидел себе спокойненько в стороне, пялился на остальных посетителей, попивал колу. Эта девчонка сразу нашла с ним общий язык.

«Это он!» — мысль, прошмыгнувшая где-то в глубинных потоках сознания, звонко стучала в висках детектива, не позволяя ему сосредоточиться на дальнейших вопросах.

— Не подскажешь, где живёт этот мистер Правильный?

— Слушай, друг, я адреса каждого посетителя не записываю, откуда же мне знать, где околачивается этот фрукт? — почувствовав неладное, бармен стал неспешно разглядывать своего собеседника, мечтая поскорее от него избавиться. — Попробуй выйти на улицу и отыскать чёрно-жёлтую Хонду. Водитель, Фрэнки, часто развозил официанток и пьяных в стельку посетителей. Возможно, он в курсе, где живёт этот чувак.

И Фрэнки действительно знал. Всю дорогу до дома мистера Правильного, расположенного за чертой Роузленда, он болтал без умолку.

— Такого чудика не забудешь. Он, наверное, единственный, кто всегда покидал «34 бочки» трезвый. Я его запомнил из-за того, как он общался. Весь такой правильный, умные словечки использовал. Помню, однажды он сказал, что работа таксистом рано или поздно приведёт меня к полной интеллектуальной деградации, — самому водителю на вид было чуть за 30, а его поразительно светлая кожа крайне нелепо смотрелась в сочетании с пышными бакенбардами, обрамлявшими щёки. По их форме и расположению можно было догадаться, что Фрэнки тщательно выбривает растительность на лице.

— А её ты когда-нибудь подвозил? — детектив Хадсон продемонстрировал таксисту фотографию, изъятую в баре «34 бочки».

— Мари-то? Конечно, я её знал. Прикольная девчонка, я слышал, она умерла. Слушай, а ты часом не коп? Её смерть расследуешь? Только не говори, что это Правильный её убил! — восторгу Фрэнки не было предела, ведь рядовой заработок внезапно обернулся интересным делом. — Он мне никогда не нравился, да и Мари его не слишком-то уважала. Он постоянно увязывался за ней после закрытия, провожал прямо до такси, что-то там плёл про единение душ. Ей-Богу, влюбился!

Дом мистера Правильного оказался крошечным и непримечательным. Наружный фасад был окрашен в тёмно-зелёный цвет, а грязные окна и заросшая лу-

жайка указывали на то, что проживавший здесь мужчина был холостяком. Мистер Правильный открыл дверь после первого же стука, и это несмотря на то, что стрелки на смешных часах детектива Хадсона показывали половину двенадцатого ночи.

— Чем могу помочь? — недоуменно воскликнул этот коренастый мужчина средних лет с крупной залысиной посередине головы. Глазки-пуговицы, взиравшие на детектива из-за толстых стёкол круглых, как у Джона Леннона, очков, выражали опасение, смешанное с раздражительностью.

— Добрый вечер, извините, что так поздно. Я детектив Клинт Хадсон, если можно, я войду.

Не дождавшись ответа, полицейский протиснулся в дом, где тут же оказался в окружении сотни глаз и одинаковых лиц. Со стен и полок комодов на него взирала престарелая дамочка: её фотографиями было увешано всё помещение. Поймав недоуменный взгляд незваного гостя, мистер Правильный пояснил:

— Это моя мать, она скончалась три года назад. Вы, собственно, по какому вопросу?

— Вы были знакомы с Мари Буво? Девушка погибла несколько дней назад, и мы опрашиваем каждого, кто контактировал с ней, — детектив медленно прогуливался по дому, разглядывая бесконечные снимки медленно увядающей женщины.

На одной из фотографий мать мистера Правильного выглядела особенно плохо: исхудавшая, с запавшими глазами, она едва могла сидеть, но всё же сохраняла идеальную осанку, держась обеими руками за края зелёного пледа. Того самого зелёного пледа, в который было завернуто тело Мари Буво. Клинт не мог ошибаться, ведь он десятки раз видел во сне изуродованные останки девушки, лежавшие на этом плотном куске ткани.

— Знаете, у меня рак. Да-да, уже четвёртая стадия рака лёгких. Самое интересное, что я никогда не курил, — голос мистера Правильного раздался так внезапно, что Клинт вздрогнул и тут же обернулся.

Осунувшийся буквально за минуту, этот мужчина, казалось, стал ещё меньше, и сейчас его рост вряд ли мог быть больше 160 сантиметров. Мистер Правильный присел на край своей кровати, на которой когда-то скончалась его мать, и принялся болтать ножками, как ребёнок.

— Насколько я знаю, рак лёгких может развиваться даже у некурящего человека. Однако вы не ответили на мой вопрос.

— Да, мы с Мари были знакомы. Где-то 7 месяцев назад я заметил её в баре «34 бочки». После смерти матери мне было чрезвычайно одиноко и в связи с отсутствием друзей приходилось восполнять контакты с обществом при помощи посещения этого злачного местечка. Мари не была красавицей, но присутствовал в ней какой-то внутренний огонь. Она мне почему-то сразу понравилась, — мистер Правильный продолжал смиренно сидеть на кровати, не поднимая глаз на собеседника. Его тёмно-серая майка топорщилась, слегка оголяя волосатый живот. Кроме неё, на мужчине были лишь свободные спортивные штаны, не достающие даже до щиколоток.

— Так зачем же вы убили девушку, которая вам так понравилась?

Хозяин дома никак не отреагировал на обвинения в свой адрес, он даже был к ним готов. С того самого мига, когда тело Мари оказалось завёрнутым в любимый плед его покойной матушки, мистер Правильный ожидал прихода полиции.

— Видите ли, я всю жизнь изучал культуру древних цивилизаций, в основном майя и ацтеков. Эти люди верили, что принесение человека в жертву могло избавить их от бед. Ацтеки широко практиковали каннибализм, веря, что органы жертв могут придать им внутренних сил, — скромный мужчина за сорок рассказывал ещё что-то о древних обрядах и церемониях, о том, как ацтеки практиковали «цветочные войны», необходимые для добычи пленных и принесения их в жертву.

Детектив не слушал мистера Правильного: у него кружилась голова. Едва владея собой, он набрал номер Сюзанны Арно и назвал ей место своего нахождения.

Прибывшая через 20 минут полиция арестовала подозреваемого, в его морозильной камере были найдены замороженные останки Мари. По признанию человека по имени Хью Татли, которое он дал в присутствии общественного защитника, ему пришлось потреблять лёгкие мисс Буво в пищу, чтобы избавиться от развившейся злокачественной опухоли. Врачи были бессильны, и только здоровая плоть, по мнению мистера Татли, могла спасти его от мучений.

«Моя дочь была абсолютно здорова, ни одного тревожного симптома», — слова миссис Буво стучали у Клинта в ушах во время судебного слушания и допроса.

— Мари курила много, но при этом всегда хвасталась отличным самочувствием. В итоге я пришёл к выводу, что раз уж её легкие не подверглись развитию рака после такого количества никотина, то и меня они смогут выручить, — мистер Правильный не отпирался и не искал лазеек в законах. Признавшись в каннибализме и жестоком убийстве, мужчина даже отказался от финального слова на судебном заседании.

Суровый приговор — 25 лет заключения в тюрьме строгого режима — многим показался даже слишком мягким. Родители мисс Буво настаивали на смертной казни.

— Зачем вы разбросали её органы вокруг тела и вытащили все внутренности? — Клинт задавал этот вопрос снова и снова во время допросов, но ответ всегда был один.

— Я действовал в состоянии аффекта, детектив, и не контролировал себя.

В течение следующих двух недель полицейского то и дело спрашивали о нюансах раскрытия дела, о поисках убийцы и его новых расследованиях. Сам Хадсон хранил суровое молчание, его не покидала похмельная агония. И только мысль об очередной стопке виски, спасающей от любых дум, помогала опытной ищейке выдерживать очередной день на службе.

Евгений Биктимиркин

г. Самара

Паритет

Рассказ

Проснулся днём и обнаружил, что я дома один. Заглянул в холодильник и увидел только ведро без крышки. Зато в дверной полочке лежали деньги. Почти сразу принял решение идти в магазин за пивом в своей любимой чёрной куртке плохого парня.

У магазина увидел мужика в косухе, разговаривающего по телефону. Кажется, где-то я его видел, возможно, в компании других незнакомцев, и, возможно, я тогда не ставил себе задачу запомнить все лица. Как бы там ни было, его косуха мне приглянулась.

Девчонки, стоявшие чуть поодаль, на небольшой теннисной площадке, огороженной рабицей, оценивающе меня разглядывали. Я им улыбнулся.

Потом заметил на себе одеяло: оно было заправлено под левой подмышкой, стянул его. Затем заметил ещё одно — стянул и его, по всей видимости, мне было прохладно, я даже немного кашлял, хотя было позд-

нее лето и светило солнце. Очень долго пытался сложить одеяла на весу. Эту странность я решил списать на различные неведомые мне обстоятельства.

Среди резвящихся девочек была и девушка этого парня. Мне так показалось, судя по тому, как он выжидающе смотрел на неё. Девочками они казались издали из-за своих ярких спортивных нарядов и высоких частот, которые они генерировали, хохоча.

Площадка была поделена на три квадрата, один из которых был огорожен неполностью, и на его территорию залезал домик. Поначалу девочек было три, но позже к ним присоединилась ещё одна. Нырнув в какую-то толстую трубу со стороны домика, она довольно скоро выскочила на той же площадке, что и остальные, и принялась отплясывать чечётку. Мне показалось, что парень что-то сказал, и я сообщил ему, где его девушка. Он не нашёл себе места и затопал ногой, когда обнаружил, что его подопечная изменила место расположения. Сразу после этого девушки начали беспорядочно подавать друг другу теннисными мячиками, часть из которых перелетала через сетку и летела в нас, пока я пытался сложить одеяла. Пара штук попала в меня, но я это расценил как сопутствующий ущерб из-за ущербности моего положения.

На обратном пути из магазинчика я заметил, как косуха с другим парнем в светло-серой ветровке разговаривают с третьим мужчиной о чём-то. Дамы в ярких топиках, кедах, коротеньких носочках и шортиках продолжали играть. Мужчины разругались, парень в косухе достал большой блестящий нож и уверенными движениями зарезал им третьего незнакомца. Падая, бедный раненый незнакомец посмотрел на меня с выражением лица, говорящим: «Ну с кем не бывает». При этом он покрутил ладошками, будто хотел показать, что они у него чистые и сухие. Серый, который комплекцией слегка превосходил нас обоих, сбежал, а парень в косухе, самый неадекватный, спрятал нож и

ошарашенно огляделся. Затем он обшарил тело убитого и стащил бумажник, мобильник и пистолет.

Всё произошло так быстро — я ничего не сообразил некоторое время. Быстрый перепад настроений неадекватного кошушника мне показался признаком психического отклонения или же наркотического опьянения, хотя в данной стрессовой ситуации глупо кого-либо обвинять в подобном поведении.

Дамы попрыгались, а я, уловив тишину, решил медленно выходить из поля зрения рокера в сторону дома, незаметно перебирая ногами. В тот момент я хотел быть невидимкой. Мне удалось переместиться метра на два. Я смог бы больше, если бы он не смотрел на меня. Когда я увеличил дистанцию метров до десяти, он внезапно обратился ко мне.

Первые три секунды я делал вид, что не слышал его, продолжая перебирать ногами, однако вскоре понял, что, убегая, я привлеку лишь ещё большее внимание, и решил остановиться и послушать его, ведь он оказался в беде и ему была нужна моя помощь.

— Стой! Денег дам! Я в беде! Мне нужна твоя помощь! — крикнул он на всю улицу.

Также он сказал, что о тех двух девушках, которые играли вначале, он не беспокоится, так как одна его «сдавать точно не будет», а вторая знает, что «он знает, где она живёт, к тому же они ничего почти и не видели, и не сойдут за свидетелей, а вот остальные — не факт».

Мы отошли под дерево, и он сделал ещё один продолжительный телефонный звонок. После он пытался начертить карту с изображением «нычки», о которой говорил его покойный знакомый. Я открыл пиво из пакета с одеялами и внимательно слушал. Карта была простая: прямо-прямо-направо. Однако её изображение давалось ему таким трудом, словно он мозгом переваливал центнеровые валуны, попутно решая дифуры, описывающие их перемещения по разным осям во времени. Мне стало жаль его, и я решил ему помочь.

Где точное место нычки, он не знал, поэтому вместо одного крестика он начертил семь. Мы пошли в сторону, куда убежали девчонки. Домик всё ещё стоял на месте. Зашли внутрь — никого. Осмотревшись, нашли на столе пакетик с травкой. Точно такой, каким пропащие души грязно и подло пользуются во имя сокрушения своего организма. Чуть поодаль в маленьком ситце лежала горка пепла — какими же ужасными и непристойными вещами они здесь занимались? От одной мысли меня брала дрожь.

Дрожащими руками я открыл дверь на кухню и там обнаружил маленькую девочку, которая с ужасом пробежала мимо меня, но я её задержал и успокоил, как успокаивал свою кошку.

Затем высунулись ещё две — совсем маленькие, лет шести-девяти, издалека даже не было видно. Я сказал, чтобы они сели, и сказал, что им в их возрасте нечего беспокоиться, так как взрослые их почти не слушают и ни за что им не поверят, сказал, чтобы они забыли всё увиденное, словно ушиб от падения. А ещё сказал, что если они это сделают, я буду их должником, а они знают, как это классно, когда тебе должны. При этом они единогласно кивнули с серьёзными лицами, и мне стало не по себе от мысли, не состоят ли они в местной банде каких-нибудь воров в законе.

Я спросил, когда придут взрослые, и даже развеселил их тремя анекдотами. А про случившееся сказал, что сначала выглядит что-то ужасно, но зато всегда есть порядочные люди, которые обязательно со всем разберутся. Мужик в косухе зашёл попозже, и они сразу же напряглись, несмотря на то, что сначала они меня боялись даже больше, чем этого мясника.

Я сказал ему, чтобы он вышел, а девочкам ещё добавил, что «это была самозащита, и порой люди, тем более такие глупенькие и доверчивые, как эта кожанка, совершают вынужденные поступки». Такие, как, например, когда в тебя летит мячик — ты прикрываешься ладонью автоматически, не замечая, что

можешь дать кому-нибудь по лицу. И чем длиннее и сильнее рука, тем больше вероятность расщепить человека на куски.

Во время этого объяснения пришли две бабушки и испугались. Мы с косухой отвели их в соседнюю комнату и усадили. Пока мы долго и нудно говорили, они грызли семечки. Я понял одно: бабки хотели нас сдать. Мужик постоянно на них напирал в стиле: «Да блин, войдите в моё положение, неужели вы позволите мне заплакать?» Это не давало результата, он мне поднадоел, и я попросил его уйти. Он послушно вышел за дверь, и я сказал бабушкам, что этому парню положено наследство, которое сейчас от него нагло и неправоммерно прячут, и что за молчание он отдаст каждой по полторы тысячи долларов, тем более что девочкам не помешает улучшить условия быта, так что, если не о себе, так о них пусть подумают. А если его сдадут, ничего они не получают, так ещё и вор, удерживающий его заслуженное наследство, останется на свободе, так ещё и с чужими деньгами. Это на них подействовало, и, когда я вышел из комнаты, мужик меня похвалил, сказав что-то вроде: «Ну ты дипломат!» У меня упало настроение из-за потраченного времени и сил, и я пошёл домой.

На обратном пути пил пиво и смотрел, как прошивают место преступления. Полицейские стали задавать вопросы. У меня с собой был только студенческий билет университета, который я окончил несколько лет назад, и они решили «пробить меня по базе». Хотя полицейский в машине лишь перекидывал из стороны в сторону деревяшки на счётах, высунув язык от удовольствия. Также прискакали симпатичные девушки на лошадях, и своей соблазнительностью заставили меня покраснеть. А может быть, это просто от пива.

У подъезда меня встретил мужик в кожаной куртке, дал мне свой номер и сказал, что завтра деньги будут, и я неплохо подзаработаю. Надо признать, что подобные фразы я слышал достаточно много раз, что-

бы, вкупе с моим апатичным настроением, мысленно послать всю эту затею подальше.

После всего этого захотелось спать, и я укрылся одеялами, которые до происшествия с трудом засовывал в пакет. Во сне слышались лишь слова моего нового знакомого:

— А-а, титан, да? — глядя на моё кольцо. — А знаешь, кто носит титан? Прагматики.

Проснулся я потный, хоть и было холодно. Видимо, уже наступила осень.

Я много раз пытался включить компьютер, но вскоре обнаружил, что мой монитор сломался. Точнее это вроде был не мой монитор, ибо недавно, как мне казалось, у меня был другой. Я производил целый комплекс процедур по его реанимации, а потом вспомнил совет психотерапевтов или психолога-то, решил включить чувства и начал бить монитор о диван. Некоторые части отвалились, вставить их обратно не представлялось возможным. Я обмотал его скотчем, ибо он разваливался буквально у меня в руках. В итоге монитор заработал, но было видно битые пиксели, да и вообще, изображение стало блёклым. Я опустил руки и оставил его с миром.

Пока я вытряхивал на улице коврик из прихожей, у меня зазвонил телефон. Это вызвало некоторое непонимание, ибо, ощутив себя всего, я ничего не нашёл. Мне сначала казалось, что это высшие силы наказывают меня за то, что я помог злодею, но потом оказалось, что у меня в кармане и в правду есть чужой телефонный аппарат и мне просто позвонили на него. Я ответил на звонок и медленно дрожащей рукой подносил его к правому уху, а изо рта у меня вырывался пар. Некоторое время было молчание, но затем быстро и громко затараторил голос косушника:

— Нычка — нычка — нычка — нычка — нычка!

Я бросил трубку на землю и убежал. Вроде краем глаза я видел свой аппарат у себя дома, но я забыл его зарядить, так что толку от него не было. Должно

быть, либо ко мне проникли в дом и произвели некоторые изменения, либо накануне я чем-то убился. Тот факт, что я презираю любого рода психотропные вещества, даже укроп или настойку календулы, плохо коррелировался с данным предположением. Хотя вероятность того, что злоумышленник, пробравшийся ко мне в дом, ещё и потравил меня, я не исключал.

Когда я дошёл до места преступления, начал звонить другой телефон. В этот раз я решил ответить левой рукой. Голос звучал незнакомый, но моя интуиция сразу же подсказала мне, что это серый — тот псевдопартнёр рокера.

— Ещё не забыл про нычку? — спросил он у меня. — А я вот нашёл нычку.

Далее он указал на место встречи — отдел бакалеи, рядом со стендом со специями в ближайшем супермаркете.

Через пятнадцать минут я встретил ту самую блондинку, что играла в большой теннис своими оборуживательными ручками. Там же был и мужчина в светлой куртке, и знакомая косуха.

Дама с интересом разглядывала меня, как часто делают женщины при появлении в компании новеньких, парень в кожаной куртке увлечённо что-то обдумывал, а светлый начал:

— Там может быть охрана, но ты, я так понимаю, справишься, нас ждёт нычка! Ну что, поехали?

Всё это он явно говорил моему новому знакомому преступнику. Я хотел сначала выяснить, в чём дело, и кто кому что должен, ибо пропустил несколько предложений, да и вообще, моё развитое чувство справедливости не позволило мне остаться в стороне. Я спросил чёрного, не от этого ли молодого человека он узнал про «нычку». Тот ответил утвердительно.

Затем я спросил:

— Есть ли подтверждения тому, что нычка там? И не вы ли залезали в мою квартиру? Также я спрошу, зачем было звать меня? А также поинтересуюсь, по-

чему этот человек покинул своего товарища на поле боя? Затем я спрошу, кому больше выгоды от смерти того бедного полицейского, которого ты зарезал?

Всё это буквально взорвало голову неадекватному парню, и, достав пистолет из внутреннего кармана, он начал судорожно смотреть то на своего светлого друга, то на грудь его девушки.

Дальше было самое интересное. Несомненно, оружие добавляло некоторую увесистость и значительность данной ситуации.

Прошло шесть-семь секунд раздумий и напряжённых взглядов, которыми знакомые курточники друг друга осыпали. Я же, как всегда, сначала смотрел куда-то в другую сторону, делая вид, что меня заботит совсем иное. Но затем «иным» вновь оказалась грудь блондинки.

Вдруг парень в кожаной куртке с размаху ударил своего товарища по виску рукояткой пистолета, от чего пострадавший упал, как мешок с картошкой. Мне не удалось смягчить падение и предотвратить возникновение привлекающего внимание шума, в результате чего пара банок с консервированной блевотиной упала. Я судорожно начал возвращать всё на свои места, оглядываясь, не видит ли нас кто. Однако одна тётка часть действия всё же увидела. Она не стала плакать: мужики ведь постоянно дерутся, тем более когда рядом соблазнительная дама. Тем более если её загорелые ручки обладают пальчиками с ноготками голубого и оранжевого цвета и буквально созданы для бесконечного перечня как невероятно порочных, так и похвальных дел. Присутствующую девушку легко можно было бы перепутать с порноактрисой. Слава богу, мой растерянный взгляд дурачка добавил несурзости данной ситуации, и тётка вернулась в свою нору, откуда и выползла.

Дальше опала «порноактриса», держась за нос. Мне даже показалось, что я успел заметить струю, летящую вслед за ней. Я хотел было помочь девушке и

только рванул в отдел с замороженными полуфабрикатами, дабы приложить к ней свой компресс, как там уже каким-то образом оказался мой знакомый, который надел на себя ветровочку своего товарища. Он поднял руку с оружием.

Абсурдность сей ситуации вогнала меня в скуку. Мне стало стыдно за всю нелепость произошедшего. Но потом я задумался над тем, как этот человек умудряется двигаться быстрее меня. Обычно более девяноста процентов людей просто передвигались и действовали со скоростью старой черепахи. Их средняя скорость была раза в два ниже моей.

Этот же мужик двигался и реагировал раза в три быстрее меня. Это меня пугало. Я понял, что даже при желании не смогу ничего с ним поделать. А уверенность, с которой он продвигался к заветной «нычке», ставила под сомнение возможность договориться. Так что я, чувствуя, что отчасти этого монстра оставил на воле я, стал лишь медленно красться за ним, прячась за стеллажами мюслей из рыбьих костей, когда он оглядывался по сторонам.

Парень выстрелил в воздух. Видимо, результатом он остался недоволен. Через несколько секунд он повторил попытку и на этот раз крикнул: «Всем лежать!»

Это произвело невиданный по своей силе эффект, и разразился Хаос. Часть людей легла, часть беспокорно засемила к выходу, а часть, как и советуют в подобных случаях, крикнула: «А-а-а!»

Слава богу, в людей он не стрелял, но зато настоятельно рекомендовал всем выйти, попутно продвигаясь в комнату с надписью «Служебное помещение».

Одна незнакомая мне женщина неожиданно набросилась на него, и парень отмахнулся от неё, как от мухи. Женщина сделала пируэт и снесла своим центнером стойку с сушёной воблой. Затем один из охранников попытался уговорить посветлевшего кошушника положить оружие и уйти с миром. Бешеному

рокеру, видимо, стало жарко, и он скинул ветровку, оставшись лишь в своей косухе. При этом он наговаривал что-то себе под нос, и выглядело это вдвойне ужасно, ведь на его лице отчётливо проглядывали презрение и пара назревших прыщиков.

Вскоре виновник беспорядков спустился вниз и открыл дверь заветной комнаты. Мне было до того интересно, что произойдёт дальше, что я проследовал за преступником. В комнате располагалось несколько мониторов, на которых по идее должно было отображаться видео с камер. Однако оператор — парень, который зачем-то надел на себя жилетку другого магазина, смотрел на них порно. Также он парил ноги в тазике с водой. Скоростной агрессор попросил смотрящего стереть все записи за сегодняшний день. Тот молча поклацал по клавишам и вернулся к предыдущему занятию.

Далее косушник увидел сейф, стоящий в углу комнаты, и глянул на меня:

— Вот она — заветная нычка, — произнёс он с ухмылкой.

Долгое время преступник пытался уговорить паренька-видеомана сказать код к замку сейфа. Парень ответил, что внутри почти ничего нет, да и код только у администратора, которого сейчас нет, и трубку он не возьмёт, и, вообще, существует ли он на самом деле — большой вопрос.

Так я в этой ситуации отвлёкся, что не заметил, как пролетело время, и в комнату ворвался ОМОН, скрутив налётчика. Конечно, несколько вопросов, вызвавших у меня некоторые подозрения, мне всё же задали, но я держался молодцом и рассказал почти всю правду. На меня накинули вторую куртку, а я, поникнув головой и всхлипывая, пару минут подумал, какой ужас я совершил. Дома обнаружил, что ушёл, так и не вернув эту прекрасную косуху.

Татьяна Шишкина

г. Самара

Удивительный фестиваль имени Михаила Анищенко

С 30 сентября по 2 октября в детском оздоровительном лагере «Жигули» в посёлке Зольное Самарской области с ожидаемым успехом проходил IV Всероссийский литературный фестиваль имени Михаила Анищенко. Открытие фестиваля состоялось в 11 утра в Самарской универсальной научной библиотеке, где молодых участников семинаров, помимо традиционного приветствия и ознакомления с программой мероприятия, ожидала музыкально-литературная композиция, подготовленная студентами Самарского государственного института культуры. Со сцены звучали стихи Михаила Анищенко, Марины Цветаевой и других известных поэтов. Живая интересная постановка не только напомнила гостям библиотеки о несомненном таланте «виновника торжества», чьим нерукотворным памятником, по сути, и является фестиваль, но и позволила семинаристам без долгих раскачиваний — с «разбега» — погрузиться в творческую атмосферу грядущего мероприятия. Под неослабевающим впечатлением от услышанного незаметно промелькнула трёхчасовая поездка из Самары в «Жигули», где молодые авторы были

заботливо распределены по уютным корпусам. А через пару часов уже начались занятия.

В этом году в рамках фестиваля проводилось три семинара поэзии под руководством известных российских поэтов. Первой группой молодых авторов руководил Кирюшин Виктор Фёдорович — московский поэт, переводчик, эссеист. Второй семинар возглавил Секретарь Правления Союза писателей России, поэт, литературовед и переводчик Николай Владимирович Переяслов. Экспертом в третий семинар был традиционно приглашён Евгений Петрович Чепурных — близкий друг Михаила Анищенко и один из лучших поэтов современности, с любовью цитируемый на различных собраниях как молодёжью, так и старшим поколением ценителей русской литературы. Немногочисленную, но одарённую группу прозаиков возглавил Александр Витальевич Громов — председатель Самарского отделения Союза писателей России и главный редактор литературного журнала «Русское эхо».

Следуя опыту прошлых лет, фестиваль объединил в осенней творческой «командировке» около пятидесяти молодых поэтов и прозаиков из разных городов России. В течение долгих семинарских часов своими художественными находками делились авторы из Екатеринбурга, Уфы, Иркутска, Санкт-Петербурга, Саратова, Нижнего Новгорода, Самары... Побывав ассистенткой на семинаре Николая Владимировича Переяслова, могу отметить, что уровень поэтов (при наличии несомненного потенциала у каждого), конечно, разный. Если одни авторы демонстрируют не только незрелую технику, но и подростковое восприятие действительности, бесконечно противопоставляя своего инфантильного лирического героя враждебному внешнему миру, то другим уже удалось обрести свой собственный уверенный голос. Значимым событием для меня стало знакомство с многоплановыми, сильными образами поэзии Константина Комарова из Екатеринбурга. Не могу хотя бы частично не процитировать его стихотворение, посвящённое Юрию Казарину:

*Двухцветной пешеходной зеброю
прозрачный путь пересекло
стекло, смесившееся в зеркало,
забывшее в себе стекло.*

*Но не поверенные алгеброй
слова ещё ищи-свищи
по тем краям, где крылья ангелы
распахивают, как плащи...*

Также приятно удивили юные поэтессы Любовь Войнакова и Светлана Иванова. Очень хорошо запомнились строки Светланы: «Что остальным стихи? Прочтут и забудут. // А мне с ними жить».

Надо отметить, что занятия отличались оживлённым, но вместе с тем и корректным обсуждением текстов в лёгкой дружелюбной атмосфере. Каждый участник получил отзыв на своё творчество не только со стороны ведущего семинара и его ассистентов, но и от других молодых авторов. Помимо учебных занятий, для гостей фестиваля была организована интересная развлекательная программа, включавшая в себя литературно-музыкальный вечер у костра, экскурсию в историко-музейный комплекс в селе Ширяево, литературный капустник и брейн-ринг. Утверждая программу мероприятия, организаторы во многом, как мне кажется, опирались на традиции известного Международного Форума молодых писателей России, ежегодно проходящего в одном из подмосковных пансионатов, а также на опыт семинаров Литературного института им. А.М. Горького. Разумеется, это никак не мешало самарскому фестивалю иметь своё индивидуальное лицо, чему во многом способствовало и место проведения мероприятия — роскошный лагерь на берегу Волги вблизи Жигулёвских гор. Мягкий свет высоких фонарей на захваченных осенью аллеях, незабываемое здание столовой в виде огромного космического корабля и стоящая у берега лодка с трёхглавым драконом на корме придавали лагерю ощущение сказочности, оторванности от реального мира. Место, созданное специально для детей, оказалось идеальным для творческой подпитки молодых писателей, возвращая их к несколько забытой поре — поре удивления окружающему миру, тем самым напоминая, что «удивлять» — одна из главных задач творчества.

Наталья Филимонова

г. Санкт-Петербург

«Фестиваль открывает нам нас же самих...»

Посетить всероссийский фестиваль имени Михаила Анищенко, который проводится в одном из красивейших мест Самарской области — детском лагере «Жигули» — это как прочесть хорошую книгу, на страницах которой оживает вся литературная планета. И вот ты уже один из главных героев этого удивительного мира, не спеша прогуливаешься по тропинкам осеннего леса, восторженно всматриваешься в глубину небесного свода, забываешь день недели, теряешься во времени и чувствуешь себя совершенно счастливым.

Познавательная экскурсия в музей Репина в комплексе со всей фестивальной программой добавили колорит не менее интересным семинарам и доставили мне огромное удовольствие.

На семинарах была очень дружеская и спокойная атмосфера, что подталкивало семинаристов и руководителей на интересные обсуждения и адекватную критику. Что касается представленных стихов, то тексты были совершенно разные, возможно, слегка неоперившиеся, но с великолепными образами, добавлением лирических высказываний и душевных

переживаний. Думаю, каждый семинарист почерпнул друг от друга массу полезной информации для развития своего творческого потенциала.

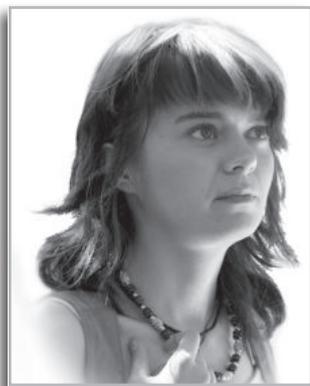
«Жигули» — это место, где зарождается уверенность в правильности избранного пути и осознание того, что на этом пути ты не один, а рядом не случайные люди, а писатели, профессионалы в своей области, открытые для дискуссий и всегда готовые оказать помощь. Всех нас объединяет одно — желание достичь цели, стать литературно неуязвимыми, поэтически независимыми, интересными и читаемыми авторами. А фестиваль открывает нам нас же самих, помогает развить наши врождённые таланты, учит шире мыслить и глубже понимать.

Открытие фестиваля имени Михаила Анищенко проходило в Самарской областной универсальной научной библиотеке

Софья Сыромятникова

г. Самара

«Дорожите теми днями, которые у вас есть...»

Трудно переоценить вклад Михаила Анищенко в русскую литературу. Читатели, совершенно разные по образованию, по профессии, по возрасту, полюбили его творчество буквально с первой книги. Своим поэтическим отношением к жизни его не раз сравнивали с Веничкой Ерофеевым. И, кстати, не кто иной, как Евгений Евтушенко, написал для российского читателя краткую биографию самарского поэта. В своей «Антологии русской поэзии» он доказал, что творческое наследие Михаила Анищенко — на уровне лучших достижений современной литературы. Именно поэтому особенно важно сохранить это уникальное литературное наследие.

Фестиваль имени Анищенко, ставший для Самарской области традиционным, является одним из способов сохранения этого уникального творческого наследия, приобщения к нему как к высшему источнику вдохновения для молодых литераторов. Как и в предыдущие годы, фестиваль объединил в себе талантливых молодых поэтов и прозаиков, готовых учиться и осознавать себя в бескрайнем пространстве современной литературы. В этом году география участни-

ков расширилась от Питера до Иркутска. И, возможно, не все из них станут в будущем известными прозаиками и поэтами, но уже сейчас важно то, что они обращаются к этой культуре — культуре слова. Помощниками в этом деле для них стали: поэт, переводчик Виктор Фёдорович Кирюшин (г. Москва), поэт, литературовед, секретарь Правления Союза писателей России Николай Владимирович Переяслов (г. Москва), поэт Евгений Петрович Чепурных (г. Самара), прозаик, председатель Самарского отделения Союза писателей России Александр Витальевич Громов. Главное, к чему стремились в своих наставлениях мастера, — это научить прислушиваться друг к другу, понимать литературу не только с высоты собственного творчества, осваивать новое, быть открытыми и способными свободно выражать мысли в собственных творениях. В этом году проводить занятия мастерам помогали помощники: это те молодые авторы, которые уже неоднократно принимали участие в предыдущих фестивалях и получили высокую творческую оценку: Дмитрий Ревякин, Татьяна Шишкина, Павел Загаринский, Софья Сыромятникова, Александр Барвинок, Андрей Савкин (все — Самара), Марианна Плотникова (Уфа), Владимир Шевченко и Наталья Филимонова (оба — Санкт-Петербург).

Уфимская поэтесса Мирослава Бессонова пишет: «Главное, что привезла с собой с фестиваля им. Анищенко, — это обновлённое желание творить и твёрдую уверенность в правильности выбранного поэтического пути».

Итак, фестиваль закончился. Литераторы вернулись домой. Но красота их творений, тепло живого общения по-прежнему с нами. На три дня лагерь «Жигули» стал обителью вдохновения, которое, пронизывая чуткие сердца литераторов и воплощаясь в их творчестве, стирает любые стереотипы и предрассудки, разделяющие нас. Ибо голос литературы есть истинный голос мира, гармонично сочетающий в себе всё многообразие нашей жизни.

Оставив нам на попечение свои стихи, русский поэт Михаил Анищенко поручил каждому из нас память о себе. Он говорил: «Никогда ничего не бойтесь. Дорожите теми днями, которые у вас есть. Надо торопиться. И если что-то пишется, надо писать».

Дмитрий Ревякин

г. Самара

Фестивальное золото

Когда я еду на литературный фестиваль, я всегда испытываю азарт. Этот азарт сродни азарту золотоискателя: блеснёт или нет среди тёмной породы яркая крупница? Настоящая, живая, удивительная крупница — талант. Именно этим ожиданием золота поэзии и живёшь. И золотом фестиваль одарил сполна!

Это было и золото октябрьской листвы, а природа была великолепно: лагерь «Жигули», где проходил фестиваль, просто переливался пятьюдесятью оттенками золотого. Скажу больше, даже погода благоволила к фестивалю. Поначалу приняв поэтов немного настороженно, она уже на второй день щедро одарила литераторов теплом и яркими красками зрелой осени.

Это было и золото поэзии!

Конечно, творчество далеко не всех авторов вызывало восторг, но ценное и значимое было у всех. Не стану рассуждать, кто был лучше, а кто хуже, на мой взгляд, все авторы показали себя достойно. Это не случайно. С первой же минуты своего существования фестиваль имени Михаила Анищенко высоко поднял литературную планку и не снижает её уже который год. Тем более что участники прошли весьма строгий отбор. Так что откровенно слабых авторов не было, да и не могло быть.

Безусловно, семинары — это не вольные размышления на тему литературы и искусства, но кропотливая «работа над

ошибками». И в эту работу включились все собравшиеся. Умных слов было сказано предостаточно, и хоть мало хвалили друг друга, но критика была обоснована.

И тут добрым словом следует вспомнить мастеров фестиваля, которые щедро делились золотом опыта и знаний с молодыми авторами. Причём делились не свысока, без менторского тона, но уважительно и по-доброму. Не случайно в самом начале работы фестиваля Александр Витальевич Громов пожелал собравшимся учиться друг у друга. Как мне кажется, каждый что-то для себя вынес новое, то, о чём ещё стоит поразмышлять, с чем можно согласиться или же наоборот — опровергнуть, но не голословно, а новыми произведениями.

Но не только семинарской работой запомнился фестиваль.

Золото человеческого общения — вот что стало настоящим подарком всем, приехавшим в этом году на самарскую землю. Это очень важно: разорвать местечковую замкнутость, собрать вместе для диалога, познакомить молодых авторов друг с другом, объединить и дать почувствовать это единение! На мой взгляд, именно в этом и состоит прелесть фестиваля имени Михаила Анищенко.

Можно ещё долго перебирать в памяти золото воспоминаний. Благо, его хватает.

И всё же, помятуя завет Николая Владимировича Переяслова писать поуёмистее, не буду говорить лишнего, пусть авторы сами скажут за себя!

Руководители семинаров: Николай Переяслов, Александр Громов, Виктор Кирюшин, Евгений Чепурных, Владимир Плотников

Павел Загаринский

г. Самара

«Я буду ждать...»

Литературные фестивали идут теми же тропами, что и поэты с писателями. Поначалу сумбурны, вспльчивы, непредсказуемы и ранимы. Позднее ударяются в эксперименты, ищут себя. И в итоге успокаиваются, смиряются с миром и именно тогда обретают свой голос, и становятся узнаваемыми.

И фестиваль имени Анищенко стал творческой личностью. За свою недолгую историю он перебрался ближе к началу осени, оставив позади предзимние холода и окунувшись в раннее золото. Сбежал из города, прочно обосновавшись на берегу реки, о которой так много писал Михаил Всеволодович. Укрылся от ветра за Жигулёвскими горами.

Стал богат. Участниками. Что ни говори, мастера и мастер-классы на фестивалях не главное. Атмосфера творчества и единения всегда делала для дальнейшего творчества не в пример больше самых полезных и едких комментариев.

Стал спокоен и уютен. Тишина осенних предгорий Жигулей обволакивает. Тихо говорить тяжелее, чем громко молчать.

На фестивале им. Анищенко стало очень хорошо и немного грустно. Как, возможно, и должно быть на литературном фестивале. Он вернётся, верю, в следующем году, прохладный и домашний.

Я буду ждать...

Александр Барвинок

г. Самара

Рождение собственного голоса

Осень, будто сумасшедший художник, раскрутила свою палитру и остановила, заляпав красками всё, и не только принадлежащие ей по праву деревья, кустарники, травы и листья, но и в чуть покосившихся скамейках, заколоченных дверях, и неторопливом персонале была какая-то осенняя краска. Так всё и застыло под Самарой в Зольном, куда, привлекаемая запахом литературы, могла бы заглянуть известная парочка.

— А скажите-ка мне, любезный, здесь, что, все писатели собрались? Будущее нашей литературы, Бродские и Акунины?

— Естественно, все. Когда в одном месте собирается с полсотни поэтов и прозаиков, одни с целью научиться, приобщиться к миру литераторов, другие научить и приобщить, это называется фестиваль.

— Почему же так пустынно в этот до ужаса приятный, тихий, ранний час, нарушаемый только криками чаек и совершающим моцион утреннего купания писателем Громовым?

— Так у них режим, всё по своему тщательно спланированному организаторами, да не кончатся у них гранты и вдохновение, графику: завтрак, мастер-классы, обед, мастер-классы...

— Так вчера у них был...

— Нет, вчера это был заезд. Надо же участникам познакомиться друг с другом, насладиться общением с близкими тебе по духу людьми, почувствовать сотканное здесь дюжими совместными усилиями вдохновение, чтобы потом увезти частичку его с собой.

— И причём некоторым пришлось проделать за этим очень неблизкий путь.

— Да, ширится география участников фестиваля: Оренбург, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Уфа и, подумать только, Иркутск! И заметьте: ни одного разочарованного лица.

Есть какая-то особенная сила в этих волжских пейзажах. Здесь, на этом правом берегу, и писал свои стихи Михаил Анищенко, и, может быть, отчасти и поэтому здесь так вольготно: что-то не взял, не срифмовал, нам оставил. Молодцы, «молодые писатели», угадали с местом. Куда там стекляннобетонным бизнес-центрам до такой атмосферы. В классах с офисными стульями и флип-чартами музыка строк звучит по-другому. И звучат стихи авторов, которые разбираются, и по всем правилам обратной связи говорят им их коллеги и мастера жанров сначала плюсы, позитив, который есть в их работах, и зоны творческого роста. И от таких бесед, рекомендаций, принимая своё и отсеивая лишнее, и рождаются у молодых авторов собственные голоса. И разносятся они по России, и... или это всё-таки в холодную волжскую воду опять нырнули председатели самарских писательских организаций Громов и Домарёв? Ну, что ж, здоровья им и процветания их детищу — литературному фестивалю им М. Анищенко.

До новых встреч!

Эдуард Устинов

г. Самара

Будет новый фестиваль

Вдохновение! Первое слово, которое приходит на ум, когда я сталкиваюсь с молодыми поэтами, принимающими участие в уже весьма знаменитом фестивале имени Михаила Анищенко.

Поэтическое братство... И «сестринство» — слышу я ехидный внутренний голос. И пафос заканчивается. Да и откуда ему взяться, если с самого начала попадаешь в пионерский лагерь. Нет, я не ошибся во времени — именно пионерский, ведь каждый поэт идёт своим путём и он первооткрыватель. Ему ещё столько Индий надо открыть! А ещё любой поэт — немного ребёнок. Ибо прагматичный и серый мир раскрашивает своими красками. Так что весёлое заселение, смешной катерок-столовая и атмосфера местной природы были очень уместны. Впереди ждало многое: и бурные споры с яростными обсуждениями, и весёлые игры, и костёр с гитарой.

Вот слово «работать» у меня не возникает при воспоминаниях о семинарских занятиях. Каюсь, я всегда стремлюсь попасть в группу Евгения Петровича Чепурных. У него даже внешность идеальная для понятия «Учитель». Он добрый, но при этом очень ироничный. Ведь молодой поэт схож со сложной-пресложной, но очень хрупкой конструкцией — нажмёшь сильно — сломается. А Евгений Петрович это умеет

— не ломать. Но ирония порой ой как помогает! Да, научить писать стихи нельзя, зато можно научить отсекай лишнее и ненужное. Ненужное — это всякие штампы, корявости и некоторые поэтические «залёты». Выдумаешь эдакое и получишь фразочку типа «падало стремительным домкратом».

А фантазия точно была ключом. И даже привела к эксперименту, когда пришлось усесться на пол и пошарить под кроватью в поисках «томика Бродского». Как в стихах. Эксперимент удался. Ну, а великий провокатор и гусар Павел Загаринский иной раз с саблей наголо врбался в стихотворный текст и устраивал маленькие сражения. Тут особенно повезло Ивану Ширококову: его стихотворение вызвало почти настоящий философский спор. Без шуток.

И вот так интересно видеть, как сидят коллеги по перу, робко словечки из себя выдавливают, а потом увлекаются и... А иначе зачем сюда пробиваться? Уметь услышать и понять другого, проникнуть в суть, попробовать разобраться — это и самому научиться писать лучше. Ведь сам себя порой не видишь так хорошо, как твой слушатель и читатель. И тот, кстати, кто умеет подать свои стихи, — тот выигрывает. Вы уж не забывайте, что умели поэты это делать, умели! А откуда же нам брать новых Пушкиных и Маяковских? А надо! А то совсем оцифруемся со своим интернетом.

Кстати, девушки очень уверенно теснят парней! Что семинаристы подтвердили. Может, для женской души чертовски не хватает красок обыденного мира?

А помогали сблизиться и брэйн-ринг, где поэтам пришлось доказывать, что мозг им даден не только рифмы лепить. И КВН, где раскрывались таланты актёрские. Ну и как же без костра, пения под гитару, брожения во тьме (отсутствие фонарей помогало романтике и обостряло чувства: как бы шею не сломать).

И стихи, стихи, стихи... Они пронизывали воздух лагерного бытия и сшивали нас незримыми нитями.

Что будет дальше? Никто не знает. Но пока молодой поэт будет искренне радоваться тоненькой книжечке в мягкой обложке — стихи будут жить. Да, это не талмуды и многосерийные графоманские писания — стихов должно быть не очень много. Ведь пишут-то ребята душой и сердцем. Что было очень хорошо видно.

А значит, будет новый фестиваль, новые встречи и новые стихи!

МОЛОДЁЖНАЯ ВОЛНА

Литературно-публицистический журнал
Семнадцатый выпуск

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке*

*Министерства культуры Самарской области
и Самарской областной писательской организации*

Ред ктор
Денис Домарёв

Корректор
Алексей Сыромятников

Адрес ред кции:

443001, г. С м р , ул. С м р с к я, 179, тел. 333-48-01.

E-mail: litsamara@yandex.ru

Подпис но в печ ть 15.12.2016.

Форм т изд ния 84x108/32.

Объём 12 печ.л. Бум г офсетн я.

Тир ж 600 экз.

Отпеч т но в типогр фии ООО «С млюкспринт».

г. С м р , ул. Горист я, 4.